От. зап. 1859. N. 9.

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Статья первая.

Екатерину Романовну Дашкову смѣло можно отнести къ замѣчательнымъ явленіямъ исторіи XVIII столѣтія. Русская женщина, такъ еще недавно ограниченная тѣснымъ семейнымъ кругомъ, выступаетъ въ ея лицѣ на поприще разнообразной общественной дѣятельности. Политика, администрація, литература находятъ въ ней одного изъ самыхъ видныхъ своихъ представителей.

Мы не думаемъ, впрочемъ, искать въ княгинѣ Дашковой идеала, къ которому могла бы стремиться современная намъ русская женщина; не называемъ ея также первымъ въ нашей исторіи лицомъ, которое доказало права своего пола на участіе не въ одномъ только узкомъ семейномъ быту, но и въ дѣятельности чисто-общественной. Подобные характеры и у насъ, и въ другихъ мѣстахъ выступали наружу всегда, лишь-только обстоятельства позволяли имъ высказываться. Послѣ петровскихъ реформъ, въ періодѣ женскихъ царствованій, въ вѣкѣ Екатерины II такое явленіе, какъ княгиня Дашкова, неудивительно. Тѣмъ-неменѣе, оно во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ полнаго вниманія русской публики.

Цѣль предлагаемаго труда довольно-простая. Мы желаемъ, по мѣрѣ силъ, способствовать знакомству публики съ замѣчательными личностями изъ русской исторіи XVIII столѣтія (серьёзная разработка котораго едва только начинается въ нашей литературѣ) и въ настоящемъ случаѣ намѣрены въ возможно-полномъ біографическомъ очеркѣ прослѣдить судьбы знаменитой женщины, какъ одного изъ представителей эпохи и какъ существа въ то же

время весьма-оригинальнаго, рѣзко отдѣляющагося отъ толпы особенностями своего характера. Не беремъ на себя при этомъ слишкомъ-обширной задачи: представить сводъ всего, что́ было когда-либо сказано въ литературѣ о княгинѣ Дашковой, или со всѣхъ сторонъ разсмотрѣть ея дѣятельность, ея частныя и общественныя отношенія. Содержаніе каждой исторической монографіи обусловливается болѣе всего суммою и характеромъ источниковъ, находящихся въ распоряженіи автора, и его собственною задачею. Мы же имѣли въ виду главнымъ-образомъ воспользоваться тѣмъ богатствомъ матеріаловъ, которое зэключается въ собственныхъ воспоминаніяхъ княгини, по-возможности дополняя ихъ свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ, которые будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ. Русская публика могла уже отчасти познакомиться съ ними по отрывкамъ, помѣщеннымъ въ «Москвитянинѣ» 1842 и въ «Современникѣ» 1845 годовъ.

I.

ЮНЫЕ ГОДЫ.

Происхожденіе.—Воспитаніе.—Характеръ. — Бракъ съ княземъ Дашковымъ. — Партіи при дворѣ Елизаветы.—Знакомство и дружба съ Екатериною.—Начало царствованія Петра III и удаленіе князя Дашкова.

Екатерина Романовна по своему происхожденію принадлежала къ роду Воронцовыхъ, который занимаетъ непослѣднее мѣсто въ ряду нашихъ древнѣйшихъ фамилій. Около половины XVIII столѣтія представителями этой фамиліи были три брата: Романъ, Михаилъ и Иванъ. Наиболѣе извѣстенъ между ними средній, Михаилъ Иларіоновичъ, который, будучи камер-юнкеромъ Елизаветы Петровны, принималъ дѣятельное участіе въ возведеніи ея на престолъ; онъ женился потомъ на двоюродной сестрѣ императрицы (Аннѣ Карловнѣ Скавронской) и въ качествѣ вице-канцлера занялъ видное мѣсто въ числѣ государственныхъ людей того времени. Впрочемъ, по мягкости характера и недостатку дипломатической опытности, вліяніе его на дѣла было незначительно, пока великимъ канцлеромъ оставался Бестужевъ-Рюминъ, который не благоволилъ къ своему товарищу и одинъ направлялъ политикою петербургскаго кабинета. Въ 1758 году, когда Бестужевъ былъ

удаленъ, графъ Воронцовъ заступилъ его мѣсто. Графскій титулъ получилъ онъ отъ императора германскаго Карла VII (1744 г.) и, не имѣя потомковъ мужескаго пола, исходатайствовалъ такой же титулъ для своихъ братьевъ отъ императора Франца I (1760 г.). Старшій братъ, сенаторъ Романъ Илларіоновичъ, самъ-по-себѣ ничѣмъ особенно-незамѣчательный, былъ отцомъ нашей героини.

Екатерина Романовна родилась 17 марта 1743 года (*), въ Петербургѣ. Императрица Елизавета Петровна и наслѣдникъ престола, Петръ Ѳедоровичъ, были ея воспріемниками отъ купели. Спустя два года, малютка лишилась матери (**) и была отвезена въ деревню къ бабушкѣ; но вице-канцлеръ пожелалъ взять маленькую племянницу къ себѣ на воспитаніе. Романъ Илларіоновичъ въ то время былъ еще довольно-молодъ; онъ любилъ удовольствія, велъ разсѣянную жизнь и мало заботился о своихъ дѣтяхъ: поэтому предложеніе брата съ его стороны было принято очень-охотно, и четырехлѣтняя дѣвочка изъ деревни, отъ нѣжныхъ попеченій бабушки, перешла въ домъ дяди, одинъ изъ самыхъ аристократическихъ домовъ Петербурга. Здѣсь она росла и воспитывалась вмѣстѣ съ Анной Михайловной, дочерью вице-канцлера. Подруги жили въ одной комнатѣ, одѣвались въ одинаковыя платья, брали уроки у однихъ и тѣхъ же учителей. Общее воспитаніе однако, не сблизило двоюродныхъ сестеръ: въ ихъ умѣ и харак-

---

(*) Хотя сама она относитъ свое рожденіе къ 1744 году; но мы слѣдуемъ другому, болѣе-точному указанію. См. «Родосл. Кн.», изд. кн. Долгоруковымъ.

(**) О ней мы знаемъ очень-мало. Извѣстно только, что Марѳа Ивановна Воронцова, урожденная Сурмина, была женщина кроткая, добрая, находилась въ большой дружбѣ съ Елизаветою Петровной до вступленія ея на престолъ и нерѣдко ссужала деньгами расточительную, но небогатую принцессу. Извѣстно также, что между придворными дамами императрицы Анны она славилась своею красотою и умѣньемъ хорошо танцовать. Мистрисъ Брадфордъ, издательница записокъ, разсказываетъ по этому поводу слѣдующій анекдотъ, слышанный ею отъ самой княгини Дашковой. Анна Іоанновна желала однажды посмотрѣть русскую пляску и приказала четыремъ изъ первыхъ придворныхъ красавицъ исполнить ее въ своемъ присутствіи. Мать Екатерины Романовны была въ числѣ четырехъ. Напрасно дамы старались показать себя достойными выбора: онѣ такъ конфузились и такъ трепетали отъ строгихъ взглядовъ государыни, что потеряли всякое присутствіе духа, перепутали фигуры и остановились въ нерѣшимости.

терахъ оказалось большое несходство, такъ-что впослѣдствіи онѣ сдѣлались довольно-чужды другъ другу.

Изъ собственнаго своего семейства Екатерина подружилась только съ старшимъ братомъ, Александромъ. Онъ одинъ оставался при отцѣ и часто имѣлъ случай видѣться съ маленькою сестрою. Младшій ея братъ, Семенъ, жилъ въ деревнѣ у дѣда, и потому очень-рѣдко съ нею встрѣчался. Еще рѣже видала она старшихъ сестеръ своихъ, Марью и Елизавету, которыя были отличены милостью императрицы и уже въ дѣтскомъ возрастѣ взяты ко двору въ качествѣ фрейлинъ. Екатерина также постоянно пользовалась благосклоннымъ вниманіемъ Елизаветы Петровны. Императрица рѣдкую недѣлю не заѣзжала къ вице-канцлеру и не оставалась у него обѣдать, или ужинать. Тутъ она ласкала свою маленькую крестницу, садясь за столъ, обыкновенно брала ее къ себѣ на колѣни и кормила, а когда дѣвочка стала подростать, то сажала рядомъ съ собою.

Самая важная задача, которая представляется намъ теперь: опредѣлить, въ чемъ состояло воспитаніе нашей героини, какія условія окружали ея дѣтство и какой характеръ обнаружила она въ молодые годы? На подобные вопросы Екатерина Романовна даетъ положительные отвѣты въ своихъ запискахъ. Приводимъ ихъ тѣмъ съ бóльшею полнотою, что другихъ источниковъ для исторіи ея дѣтства мы не имѣемъ.

«Мой дядя (говоритъ она) ничего не жалѣлъ длятого, чтобъ доставить своей дочери и мнѣ лучшихъ учителей и дать превосходное, *по понятіямъ того времени, воспитаніе*. Мы учились четыремъ языкамъ: пофранцузски говорили бѣгло; одинъ статскій совѣтникъ давалъ намъ уроки итальянскаго языка, а г. Бектеевъ занимался съ нами порусски, впрочемъ, тогда только, когда мы удостоивали его своимъ вниманіемъ (кромѣ-того, учились понѣмецки). Въ танцахъ мы сдѣлали большіе успѣхи и нѣсколько умѣли рисовать. При такомъ модномъ, внѣшнемъ образованіи, кто бы могъ тогда усомниться въ совершенствѣ нашего воспитанія? Но что̀ было сдѣлано длятого, чтобъ облагородить сердце и развить нашъ умъ? Рѣшительно ничего. Дядѣ было нѐкогда, а тётка не имѣла для этого ни охоты, ни умѣнья.

«Въ моей натурѣ была значительная доля гордости, соединенная съ необыкновенною нѣжностью сердца, и я питала самое сильное желаніе, чтобъ всѣ окружавшіе любили меня съ такою же горячностью, съ какою и я ихъ любила. Это стремленіе до такой

степени преобладало во мнѣ около тринадцатилѣтняго возраста, что я, тщетно стараясь пріобрѣсти расположеніе тѣхъ, къ которымъ влекло меня юное, восторженное сердце, вообразила наконецъ, будто-бы не могу нигдѣ найдти сочувствія, а потому стала смотрѣть на себя, какъ на существо одинокое, покинутое всѣми.

«Въ такомъ странномъ настроеніи духа застигла меня болѣзнь, въ дѣйствительности, впрочемъ, оказавшая большую услугу моему умственному развитію. Это была корь. Около того времени вышелъ указъ, запрещавшій всякое сообщеніе между дворомъ и тѣми семействами, въ которыхъ появлялись прилипчивыя болѣзни (для предохраненія отъ заразы великаго князя Павла Петровича). Поэтому, при первыхъ признакахъ кори, меня отвезли въ деревню за 17 верстъ отъ Петербурга.

«Во время своего довольно-продолжительнаго заточенія я оставалась подъ надзоромъ одной нѣмки и жены русскаго майора. Эти двѣ особы не отличались такими свойствами, которыя могли бы привязать меня къ нимъ. Притомъ же, болѣзнь, ослабивъ мое зрѣніе, препятствовала заниматься книгами; почему нѣсколько недѣль я была лишена и послѣдняго своего утѣшенія. Мѣсто прежней веселости и природной живости заступило глубокое уныніе; совершенное одиночество навѣвало на меня черныя мысли. Я сдѣлалась суровою, разсѣянною и молчаливою.

«Лишь-только я получила возможность читать, какъ съ величайшимъ рвеніемъ принялась за книги; любимые писатели мои были: Бэль, Монтескьё, Буало и Вольтеръ. Съ-тѣхъ-поръ я стала понимать, что время, проведенное въ уединеніи, не всегда бываетъ несносно; съ-тѣхъ-поръ, вмѣсто прежняго стремленія отъискивать сочувствіе у другихъ людей, я начала сосредоточиваться въ самой-себѣ и старалась развивать въ-особенности тѣ силы своего духа, которыя помогаютъ намъ стать выше обстоятельствъ. Братъ мой Александръ, еще прежде моего возвращенія въ Петербургъ, уѣхалъ въ Парижъ: такимъ-образомъ, я лишилась его дорогаго общества, и грустила тѣмъ болѣе, что равнодушіе лицъ, окружавшихъ меня, составляло печальную противоположность съ нѣжнымъ вниманіемъ брата. Впрочемъ, я была спокойна и довольна посреди моихъ книгъ, развлекая себя музыкою, и чувствовала нѣкоторую неловкость только тогда, когда покидала свою комнату. Но продолжительное чтеніе, поглощавшее иногда цѣлыя ночи, и ненормальное состояніе духа, происходившее отъ такого напряженія, произвели у меня нервную слабость

и болѣзненные припадки, что возбудило безпокойство моего почтеннаго дяди и вызвало даже участіе со стороны императрицы. Она поручила меня своему лейб-медику Бургаву. Послѣдній, вникнувъ въ болѣзнь, объявилъ, что организмъ мой еще не поврежденъ, и что симптомы, возбудившіе опасеніе моихъ друзей, произошли болѣе отъ разстройства душевнаго, чѣмъ отъ физическихъ причинъ. Вслѣдствіе такого отзыва, на меня со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы; ничто, однако, не заставило меня высказать истину, которую въ дѣйствительности я сама едва могла себѣ объяснить, и, еслибъ она сдѣлалась извѣстною, то скорѣе могла навлечь на меня упреки родственниковъ, нежели пріобрѣсти ихъ сочувствіе. Раскрывая состояніе своего духа, пришлось бы указать и на ту гордость, на ту щекотливость, которыя заставили меня искать счастія въ самой-себѣ, потому-что романтическія грёзы моего воображенія не могли осуществиться. Я рѣшилась, поэтому, скрывать господствующія во мнѣ стремленія, и, между-тѣмъ, какъ приписывала свою блѣдность слабости нервовъ и головнымъ болямъ, духъ мой, при постоянныхъ упражненіяхъ, пріобрѣталъ все болѣе силы и крѣпости.

«Съ дѣтскихъ лѣтъ политика была для меня самымъ занимательнымъ предметомъ. Я надоѣдала своимъ любопытствомъ всѣмъ иностранцамъ, художникамъ, ученымъ и посланникамъ, посѣщавшимъ домъ моего дяди. Я распрашивала каждаго изъ нихъ о его отечествѣ, о формѣ правленія и законахъ. Сравненія, къ которымъ приводили меня ихъ отвѣты, внушили мнѣ пламенное желаніе путешествовать; но въ то время у меня еще не было на столько мужества, чтобъ предпринять такой трудъ. Между-тѣмъ, мрачныя предчувствія заботъ и разочарованій — обыкновенные спутники нѣжныхъ темпераментовъ — рисовали передо мной мое будущее, и я содрогалась при созерцаніи тѣхъ бѣдствій, съ которыми была бы не въ-силахъ бороться.

«Г. Шуваловъ, любимецъ Елизаветы, *очень желавшій прослыть меценатомъ своего времени*, узналъ отъ нѣкоторыхъ ученыхъ посѣтителей моего дяди *(которымъ онъ покровительствовалъ ради собственной славы)*, что я страстно люблю чтеніе: онъ тотчасъ предложилъ снабжать меня всѣми литературными новостями, которыя постоянно получалъ изъ Франціи. Для меня эта любезность послужила источникомъ большаго удовольствія, въ-особенности на слѣдующій годъ, когда я жила въ Москвѣ послѣ своей свадьбы: въ московскихъ книжныхъ лавкахъ нашлось немного книгъ, еще

непрочитанныхъ мною, или ненаходившихся въ моей собственной библіотекѣ, которая заключала въ себѣ около 900 томовъ. На покупку книгъ уходили почти всѣ мои карманныя деньги. Въ тотъ годъ я пріобрѣла энциклопедію и словарь Морери; никогда самые изящные и дорогіе предметы роскоши не доставляли мнѣ и половины того удовольствія, которое я чувствовала отъ этого пріобрѣтенія. Привязанность къ брату Александру подала мнѣ поводъ завести съ нимъ дѣятельную переписку, продолжавшуюся во все время пребыванія его за границей. Два раза въ мѣсяцъ я посылала ему извѣстіе о всѣхъ новостяхъ, которыя до меня доходили относительно двора, города и войска, и, хорошъ, или дуренъ былъ мой слогъ впослѣдствіи, безъ-сомнѣнія, характеръ его образовался при помощи дневника, который я вела для любимаго брата.»

Вотъ почти все, что́ говоритъ Екатерина Романовна о своемъ воспитаніи. Читая этотъ отрывокъ, никакъ не должно забывать, что онъ принадлежитъ къ воспоминаніямъ шестидесятилѣтней женщины; слѣдовательно, многія важныя обстоятельства утратили свой настоящій свѣтъ, а другія, по разнымъ причинамъ, пройдены молчаніемъ; нельзя также принять на вѣру и ту степень развитія въ пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ, которая здѣсь изображается. Тѣмъ-неменѣе, общій характеръ воспитанія, безспорно, очерченъ у нея близко къ дѣйствительности.

Итакъ, блестящее по тому времени, но очень-поверхностное и чисто-свѣтское образованіе, которое Екатерина Романовна получила въ домѣ своего дяди, очевидно не удовлетворяетъ ея не по лѣтамъ серьёзнаго ума и пылкаго сердца: ее рано начинаетъ томить жажда знанія и жажда симпатіи. Послѣдняя дѣйствуетъ особенно-сильно, потому-что утолить ее бываетъ иногда гораздо-труднѣе: знанія еще можно добыть изъ книгъ, а сочувствія надобно отъискивать у живыхъ людей. Но равнодушіе окружающихъ и непониманье сердечныхъ движеній дѣвочки даютъ сильный толчокъ ея самолюбію. Чувство оскорбленной гордости и сознаніе своего умственнаго превосходства надъ ними заставляютъ ее сосредоточиться въ самой-себѣ; одиночество во время болѣзни много способствуетъ этому сосредоточенію, усиливая дѣятельность и безъ-того живаго воображенія. А, между-тѣмъ, чтеніе, къ которому она пристрастилась до-крайности — и преимущественно чтеніе философскихъ книгъ — быстро развиваетъ ея умъ, помогая ей

стать выше многихъ мелочей и предразсудковъ современнаго общества.

Далѣе, очень-важное вліяніе на характеръ дѣвушки имѣла вообще свобода, которою она пользовалась: съ тринадцатилѣтняго возраста Екатерина Романовна избавилась отъ надзора гувернантки и относительно дальнѣйшаго образованія была предоставлена самой-себѣ. Она занималась только тѣмъ, что̀ ей нравилось, то-есть читала все, что́ попадалось подъ руку, много размышляла, выѣзжала только туда, гдѣ ей не было скучно, и мало-по-малу привыкла въ своемъ образѣ жизни не подчиняться никакой посторонней волѣ. Самовоспитаніе, конечно, развило въ ней стремленіе къ самостоятельности, которая послѣ нерѣдко переходила въ крайнюю оригинальность. Было еще одно обстоятельство, по всей вѣроятности, имѣвшее также значительное вліяніе на характеръ Екатерины Романовны Воронцовой: она не могла похвалиться блестящею наружностью. Ея умная, выразительная физіономія отличалась слишкомъ-мужественными чертами; ея живыя, немного-рѣзкія манеры, при небольшомъ ростѣ, заключали въ себѣ мало граціи. А кому неизвѣстно, что дѣвушка гордая, съ пылкимъ воображеніемъ и впечатлительною натурою, но неодаренная красотою внѣшнихъ формъ, лишенная, къ-тому же, материнскихъ попеченій, по бо́льшей части развивается очень-быстро и рѣдко пріобрѣтаетъ мягкое, ровное настроеніе духа. Мало обращая на себя ласковое вниманіе окружающихъ людей, она рано начинаетъ досадовать на ихъ холодность и скорбѣть о своемъ одиночествѣ, особенно подлѣ сверстницъ, очень-недалекихъ по уму, но одаренныхъ болѣе-привлекательною наружностью. Въ такомъ отношеніи, кажется, находилась Екатерина Романовна къ дочери вице-канцлера и къ другимъ юнымъ красавицамъ высшаго петербургскаго общества.

Наконецъ, господствующій интересъ въ домѣ дяди, то-есть политика, сильно дѣйствуетъ на впечатлительную натуру нашей героини и даетъ ея помысламъ довольно-опредѣленное направленіе. Еще въ дѣтствѣ, по замѣчанію мистриссъ Брадфордъ, она роется въ старыхъ дипломатическихъ бумагахъ своего дяди, слѣдитъ за сношеніями русскаго двора съ иностранными и находитъ въ этомъ большое удовольствіе. Въ душѣ молодой, восторженной дѣвушки мало-по-малу зажигается неугасимый огонь честолюбія; у нея является сильное желаніе играть историческую роль—желаніе, впрочемъ, довольно-естественное по тому времени.

Не забудемъ, что Екатерина Романовна жила въ томъ періодѣ нашей исторіи, который преимущественно характеризуется женскими царствованіями въ Россіи и цѣлымъ рядомъ государственныхъ переворотовъ въ Петербургѣ. Это было золотое время для интригъ всякаго рода. Ловкій, предпріимчивый человѣкъ, съ порядочнымъ запасомъ честолюбія, очутившись въ средѣ политическихъ и придворныхъ интересовъ, особенно, когда страсти бывали сильно возбуждены, не могъ оставаться равнодушнымъ наблюдателемъ борьбы и обыкновенно принималъ въ ней самое дѣятельное участіе.

Въ 1757 году вышли замужъ двѣ сестры Воронцовой, одна родная, другая двоюродная; а съ небольшимъ черезъ годъ устроилась свадьба и самой Екатерины Романовны. Замужство ея основано было на взаимной склонности и сопровождалось разными романтическими обстоятельствами: тутъ были и оригинальная встрѣча, и препятствія, которыя даютъ пищу нѣжному чувству. Но обратимся къ подробностямъ и передадимъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ описываетъ сама героиня.

Лѣтомъ 1758 года (*) дядя и тётка находились въ Царскомъ Селѣ при особѣ императрицы; а Екатерина Романовна одна оставалась въ городѣ, отчасти по нездоровью, но болѣе по склонности къ уединенію и литературнымъ занятіямъ. Дѣвушка почти не показывалась въ такъ-называемомъ большомъ свѣтѣ, за исключеніемъ итальянской оперы, и посѣщала только два коротко-знакомыя семейства: княгини Голициной и госпожи Самариной. Однажды она была въ гостяхъ у послѣдней и осталась ужинать. Въ назначенный часъ за нею пріѣхала карета; но такъ-какъ былъ чудный, іюльскій вечеръ, и улица, въ которой жила Самарина, отличалась тишиною и уединенностью, то сестра хозяйки предложила гостьѣ проводить ее пѣшкомъ до угла. Та охотно согласилась. Едва дамы прошли нѣсколько шаговъ, какъ передъ ними появилась высокая фигура какого-то гвардейскаго офицера. При неясномъ лунномъ свѣтѣ, воображенію дѣвушки представилось что-то колоссальное; она вздрогнула и спросила свою спутницу, не знаетъ ли она, кто этотъ офицеръ. Тутъ въ первый разъ въ жизни ей пришлось услыхать фамилію князя *Дашкова.* Оказалось,

---

(*) Въ запискахъ княгини Дашковой названъ 1759 годъ; но, по нашимъ соображеніямъ, здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, у нея очевидная хронологическая ошибка.

что онъ былъ хорошо знакомъ съ семействомъ Самариныхъ; а потому завязался общій разговоръ, во время котораго вѣжливый, скромный тонъ молодаго человѣка расположилъ дѣвушку въ его пользу. Съ своей стороны и она успѣла заинтересовать статнаго офицера. Въ этой нечаянной встрѣчѣ и во взаимномъ благопріятномъ впечатлѣніи Екатерина Романовна видѣла всегда особенное дѣйствіе провидѣнія, которое назначило ихъ другъ для друга. Познакомиться обыкновеннымъ образомъ не представлялось почти никакой возможности: князь былъ замѣшанъ въ какое-то непріятное дѣло, которое ставило преграду между имъ и семействомъ графа Воронцова. Но подобное затрудненіе, разумѣется, усилило только взаимную склонность. Михаилъ Ивановичъ Дашковъ вскорѣ почувствовалъ, что счастіе его жизни зависитъ отъ соединенія съ любимой женщиной, и, какъ-только получилъ ея согласіе, попросилъ князя Голицина хлопотать за него у дяди и отца Екатерины Романовны. Опасенія оказались напрасными: семейство Воронцовыхъ, повидимому, не представило серьёзныхъ препятствій богатому и знатному жениху. Князь изъявилъ желаніе, чтобъ это дѣло хранилось въ тайнѣ, пока онъ не привезетъ изъ Москвы благословенія своей матери.

Однажды вечеромъ, незадолго до его отъѣзда, императрица Елизавета послѣ италъянской оперы заѣхала ужинать къ канцлеру, въ сопровожденіи Ивана Ивановича Шувалова. Племянница хозяина нарочно оставалась дома, чтобъ принять дорогую гостью; князь Дашковъ находился подлѣ своей невѣсты. Государыня оказала самое благосклонное вниманіе молодымъ людямъ; она даже позвала ихъ въ другую комнату, гдѣ съ нѣжностью доброй, крестной матери объявила, что знаетъ объ ихъ тайнѣ и желаетъ имъ всевозможнаго счастія. Съ большою похвалою отозвалась она о сыновней почтительности князя, прибавивъ, что фельдмаршалъ Бутурлинъ уже получилъ приказаніе дать ему отпускъ въ Москву. Дѣвушка была очень-тронута такимъ вниманіемъ и не могла скрыть своего волненія. Императрица, замѣтивъ смущеніе невѣсты, обняла ее и сказала: «Приди въ себя, мое милое дитя; иначе твои друзья подумаютъ, что я тебя разбранила».—«Никогда я не забуду этой сцены (съ умиленіемъ прибавляетъ авторъ записокъ): она навсегда привязала меня къ доброй государынѣ».

Мать князя Дашкова давно собиралась женить сына и уже пріискала ему невѣсту. Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, не помѣшало ей изъявить полное согласіе на его собственный вы-

боръ. Молодые люди обвѣнчались очень-тихо и отпраздновали свадьбу безъ всякихъ лишнихъ церемоній; вслѣдъ затѣмъ они отправились въ Москву. Здѣсь Екатерина Романовна очутилась совершенно въ другой сферѣ. Ее поразили новость отношеній и патріархальность московскихъ нравовъ. Родственники мужа были бо́льшею-частію люди пожилые и хотя изъ любви къ князю показывали расположеніе молодой княгинѣ, однако нельзя было не замѣтить, что они предпочли бы встрѣтить въ ней природную москвитянку. Свекровь не говорила ни на какомъ иностранномъ языкѣ, а невѣстка на-бѣду объяснялась очень-дурно порусски. Поэтому она рѣшилась прилежно заняться изученіемъ отечественнаго языка и такъ быстро успѣвала въ немъ, что заслужила громкое одобреніе со стороны почтенныхъ родственниковъ. Лѣто Дашковы провели въ деревнѣ; а въ февралѣ 1760 года они были обрадованы рожденіемъ дочери. Между-тѣмъ, книги и музыка не теряли для молодой княгини своей прежней прелести. Такъ свѣтло и тихо было первое время ея замужства.

Въ этомъ расказѣ довольно-много поэзіи, но, кажется, мало искренности. Что́ за дѣло, въ которомъ былъ замѣшанъ князь? Какимъ-образомъ сблизились молодые люди (*)?

Въ томъ же поэтическомъ тонѣ расказываетъ княгиня Дашкова о дальнѣйшихъ отношеніяхъ своихъ къ мужу.

Когда срокъ отпуска кончился, молодая чета обратилась къ Роману Иларіоновичу съ просьбою похлопотать объ отсрочкѣ. Но тесть отвѣчалъ Дашкову, который служилъ капитаномъ въ пре-

---

(*) Мы обращаемъ вниманіе на эту неискренность особенно потому, что существуетъ другое извѣстіе о бракѣ Дашковой, совсѣмъ-непохожее на то, которое она сообщаетъ. Извѣстіе это повторяется у нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей и приведено также въ «Словарѣ» Бантыша-Каменскаго. Въ первый разъ встрѣчается оно у Рюльера: «Однажды князь Дашковъ (разсказываетъ онъ), одинъ изъ самыхъ красивыхъ придворныхъ кавалеровъ, слишкомъ-свободно началъ говорить любезности дѣвицѣ Воронцовой; она позвала канцлера и сказала ему: «Дядюшка, князь Дашковъ дѣлаетъ мнѣ честь: проситъ моей руки». Не смѣя признаться первому сановнику имперіи, что слова его не заключали въ себѣ именно такого смысла, князь женился на племянницѣ канцлера, но тотчасъ же отослалъ ее въ Москву, гдѣ она провела два года». Извѣстіе, очевидно, невѣрное, и авторъ не знаетъ о прежнихъ отношеніяхъ двухъ фамилій между собою; однако, нѣтъ причины утверждать, что оно рѣшительно ни на чемъ не основано.

ображенской гвардіи, что шефъ полка, великій князь Петръ Ѳедоровичъ, желаетъ его видѣть въ Петербургѣ, а потому совѣтовалъ поспѣшить отъѣздомъ. Нужно замѣтить, что императрица Елизавета уже очевидно приближалась къ гробу, и большинство придворныхъ начинало заискивать благоволеніе у наслѣдника престола. Михаилъ Ивановичъ послушался тестя и немедленно отправился въ Петербургъ, къ немалому огорченію своей нѣжной супруги. Великій князь принялъ его очень-благосклонно и часто приглашалъ въ Ораніенбаумъ на зимнія катанья. На этихъ катаньяхъ молодой человѣкъ сильно простудилъ горло. Едва оправившись, онъ взялъ новый отпускъ и, покинувъ Петербургъ, день и ночь скакалъ въ Москву. Но, приближаясь къ городу, князь опять почувствовалъ такое воспаленіе въ горлѣ, что не могъ почти говорить. Не желая испугать беременную жену, онъ велѣлъ ѣхать въ домъ своей тётки, Новосильцовой, и тамъ хотѣлъ подождать облегченія. Хозяйка тотчасъ уложила племянника въ постель и призвала доктора, который запретилъ больному покидать комнату. Но эта деликатная предосторожность едва не стоила жизни его слишкомъ-смѣлой супругѣ.

Подлѣ Екатерины Романовны въ тотъ вечеръ сидѣла свекровь съ своей сестрой, княгиней Гагариной; онѣ съ-часу-на-часъ ожидали ея разрѣшенія. Какая-то ветренная горничная, воспользовавшись минутою, когда молодая княгиня вышла изъ комнаты, скороговоркою сообщила ей, что Михаилъ Ивановичъ въ Москвѣ, у тётки, и строго запретилъ говорить о своемъ пріѣздѣ. Княгиня пришла въ неописанное волненіе, однакожь употребила всѣ усилія скрыть его и начала увѣрять свекровь, что онѣ ошиблись въ разсчетѣ и что срокъ разрѣшенія не такъ близокъ, какъ полагали. Та повѣрила и вмѣстѣ съ сестрой пошла отдохнуть. Екатерина Романовна немедленно бѣжитъ къ повивальной бабушкѣ и упрашиваетъ ее идти съ нею въ домъ Новосильцовой. Старуха дико смотритъ на молодую женщину и думаетъ сначала, что она въ бреду, потомъ въ свою очередь уговариваетъ княгиню оставить такое безразсудное намѣреніе, но наконецъ сдается на ея мольбы, и онѣ отправляются въ сопровожденіи одного бѣднаго старика, проживавшаго въ домѣ свекрови. Когда стали сходить съ лѣстницы, больная почувствовала первыя муки. Спутники хотѣли отнести ее въ постель; но Екатерина Романовна энергически уцѣпилась руками за перила, и ни сила, ни угрозы не могли сдвинуть ее съ мѣста. Старуха опять уступила. Съ не-

имовѣрными усиліями молодая княгиня добрела до дому тётки, поднялась на лѣстницу и вошла въ комнату своего мужа. Увидавъ его блѣднаго, лежавшаго на постели, она безъ чувствъ упала на полъ. Въ такомъ состояніи слуги Новосильцовой отнесли ее домой. Здѣсь начались послѣднія мýки. Больная призвала свекровь и черезъ часъ родила сына Михаила. Ночное похожденіе, впрочемъ, осталось тайною для старой княгини. Тотъ же старикъ потихоньку былъ посланъ къ супругу поздравить его съ новорожденнымъ сыномъ. Князь чрезвычайно обрадовался, бросилъ вѣстнику кошелекъ съ золотомъ и велѣлъ отслужить благодарственный молебенъ; дождавшись утра, онъ сѣлъ въ экипажъ и молодцомъ подскакалъ къ дому своей матери. Та немного встревожилась, замѣтивъ его блѣдное лицо и обвязанное горло; она уложила сына въ постель по сосѣдству съ комнатою Екатерины Романовны, строго приказавъ имъ не говорить другъ съ другомъ и не подвергать себя никакому волненію. Больные въ этомъ случаѣ поступили, какъ страстно-влюбленные молодые люди: они тайкомъ отъ матери завели нѣжную переписку, а роль Меркурія исполняла при нихъ старая сидѣлка. Послѣдняя, впрочемъ, недолго хранила тайну; тогда мать разсердилась и грозила отнять у нихъ бумагу и чернила. Къ-счастію, мужъ скоро оправился и былъ въ-состояніи сидѣть у постели своей милой жены. Воспоминаніе объ этихъ подробностяхъ, по собственному признанію княгини, было однимъ изъ самыхъ отрадныхъ ея воспоминаній.

Послѣ двухлѣтняго отсутствія, не безъ восторга Дашкова привѣтствовала родной Петербургъ, 28 іюня 1761 года, въ тотъ самый день, который, по замѣчанію Екатерины Романовны, «спустя 12 мясяцевъ сдѣлался столь славнымъ для нашего отечества». Молодые супруги, по приглашенію великаго князя, поселились на дачѣ близъ Ораніенбаума и сдѣлались членами того общества, которое составляло такъ-называемый «молодой дворъ». Съ пріѣздомъ въ Петербургъ оканчивается періодъ тихихъ, исключительно-семейныхъ радостей, и для нашей героини открывается новая сфера дѣятельности. Зная главныя свойства ея характера, заранѣе можно было предсказать, что княгиня Дашкова не останется постороннимъ лицомъ въ тѣхъ событіяхъ, которыя готовились совершиться. Дѣйствительно, мало-по-малу, сама того не замѣчая, она увлекается въ политическую интригу, и семейные интересы отходятъ на второй планъ. Кончина императрицы приближалась, и общее вниманіе устремилось на молодой дворъ; но отношенія

великаго князя къ его супругѣ подавали поводъ къ сильнымъ опасеніямъ за спокойствіе будущаго царствованія.

Тутъ мы необходимо должны сдѣлать небольшое отступленіе къ вопросамъ, которые волновали тогда придворное общество.

Извѣстно участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ и непримиримая вражда Елизаветы къ Фридриху II. Это время сопровождалось жаркою борьбою партій при петербургскомъ дворѣ: австрійскій и французскій кабинеты всѣми силами старались увлечь Елизавету въ войну противъ Фридриха; а повѣренные Англіи и Пруссіи усердно работали надъ тѣмъ, чтобъ разрушить союзъ съ Австріею и, если можно, вооружить русскихъ на защиту прусскаго короля. Денегъ на подкупы они не жалѣли. Русскій дворъ, поэтому, раздѣлился на двѣ партіи, и всѣ лица, сколько-нибудь значительныя по своему офиціальному или скрытому вліянію, приняли участіе во внѣшней политикѣ. Молодой дворъ постоянно держалъ сторону Пруссіи; на ту же сторону, вслѣдствіе подкупа, тянулъ и первый министръ, Бестужевъ. Но вліяніе Бестужева въ то время начинало ослабѣвать: оно переходило въ руки фаворита, И. И. Шувалова, который былъ рѣшительнымъ сторонникомъ Франціи. Опираясь на личное нерасположеніе Елизаветы къ Фридриху, французско-австрійская партія взяла наконецъ верхъ, и фельдмаршалу Апраксину дано повелѣніе выступить въ походъ. Тогда агенты короля, опять при помощи денегъ, стали употреблять всѣ усилія, чтобы замедлить походъ русскихъ и выиграть время; имъ помогалъ Бестужевъ вмѣстѣ съ великою княгинею Екатериною. Лѣнивый, тяжелый на подъемъ Апраксинъ, пріятель Бестужева, не спѣшилъ походомъ и, живя въ Ригѣ, занимался болѣе своими удовольствіями, чѣмъ военными приготовленіями. Но, получивъ строгій приказъ отъ императрицы, онъ долженъ былъ перейдти съ 80,000 войскомъ изъ Лифляндіи въ Пруссію, восточныя границы которой оставались почти-беззащитны. 30 іюня 1757 г. Мемель сдался русскимъ на капитуляцію; а, спустя мѣсяцъ, генералъ Левальдъ былъ разбитъ ими при Грос-Эгерисдорфѣ. Вмѣсто-того, чтобъ идти въ самое сердце Пруссіи, Апраксинъ стянулъ свои войска и отступилъ въ Россію такъ поспѣшно, какъбудто бы онъ потерпѣлъ пораженіе. Въ русскихъ учебникахъ исторіи еще и теперь можно встрѣтить слѣдующее объясненіе этого факта: въ то время, когда императрица была опасно больна, великій канцлеръ, желая угодить наслѣднику престола, будто-бы послалъ своему пріятелю совѣтъ пощадить прусскаго короля. Та-

кое объясненіе очень натянуто, и причины отступленія, безъ-сомнѣнія, были гораздо-серьёзнѣе. Нѣкоторые иностранные источники раскрываютъ передъ нами существованіе обширнаго заговора, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобъ устранить отъ престола Петра Ѳедоровича и, объявивъ императоромъ маленькаго Павла, вручить регентство Екатеринѣ. Главными дѣйствующими лицами въ этой интригѣ были великая княгиня Екатерина и канцлеръ Бестужевъ. Заговорщики, разсчитывая на безнадежное состояніе Елизаветы, хотѣли имѣть у себя подъ руками многочисленную армію и преданнаго имъ фельдмаршала. Послѣдствія очень-хорошо извѣстны. Когда императрица получила облегченіе отъ болѣзни, Апраксинъ былъ преданъ военному суду и вскорѣ умеръ; а въ февралѣ слѣдующаго 1758 года Бестужевъ сосланъ въ деревню, и мѣсто его заступилъ М. И. Воронцовъ. Великую княгиню также постигла опала; тётка даже запретила ей показываться въ своемъ присутствіи. Усиліямъ французско-австрійской партіи удалось вооружить и великаго князя противъ его супруги. Екатерина до-сихъ-поръ играла при дворѣ видную роль и, несмотря на многія семейныя неудовольствія, сохраняла еще нѣкоторое вліяніе на мужа; но, послѣ ссылки Бестужева, она увидѣла себя почти всѣми оставленною и очутилась въ положеніи очень-затруднительномъ. Однако, ей удалось вскорѣ помириться съ тёткою, благодаря помощи добродушнаго фаворита, который устроилъ ихъ свиданіе. Вотъ ка́къ разсказываетъ объ этомъ свиданіи англійскій посланникъ Кейтъ (*):

Послѣ сильныхъ упрековъ съ одной стороны и горькихъ слезъ съ другой, великая княгиня упала на колѣни и обратилась съ слѣдующею просьбою къ императрицѣ: такъ-какъ она имѣла несчастіе навлечь на себя немилость, будучи совершенно-невинною, и подвергнуться слишкомъ-чувствительнымъ оскорбленіямъ, то ей остается только просить объ одной милости — о позволеніи оставить Россію на всю остальную жизнь и удалиться къ своей матери; если же въ интересахъ имперіи великій князь долженъ взять другую супругу, то ни сама она и никто изъ ея фамиліи не будутъ дѣлать тому ни малѣйшаго препятствія. Императрица была очень-тронута такимъ предложеніемъ, перемѣнила тонъ и отъ упрековъ перешла къ нѣжнымъ словамъ. Когда же Екатерина стала жаловаться на дурное обращеніе своего супруга, который

(*) Депеша отъ 28 апрѣля 1758 года.

присутствовалъ при этомъ свиданіи, то Елизавета сдѣлала ей знакъ молчанія и тихимъ голосомъ прибавила, что въ скоромъ времени хочетъ поговорить съ нею о томъ наединѣ.

За примиреніемъ съ императрицею послѣдовало примиреніе съ великимъ княземъ. Екатерина снова начала появляться въ торжественныхъ случаяхъ подлѣ императрицы. Согласіе, однако, было непродолжительно. Интриги французской партіи разстроили его, и въ послѣдніе мѣсяцы своего царствованія Елизавета заставила великую княгиню испытать на себѣ всю тяжесть суровой опалы. Екатерина вела въ это время жизнь тихую, уединенную и, повидимому, не принимала болѣе никакого участія въ политикѣ петербургскаго кабинета; казалось, она совершенно покорилась своей судьбѣ. Но тотъ жестоко ошибался, кто думалъ, что она отреклась отъ надежды на русскую корону. Впослѣдствіи Екатерина II любила вспоминать о томъ, что, вступая въ Россію и еще не видавъ великаго князя, она уже сказала самой-себѣ: «я буду здѣсь царствовать одна». Узнавъ покороче своего супруга и современное ей русское общество, она поняла свое огромное превосходство надъ всѣмъ ее окружающимъ и съ неподражаемымъ искусствомъ пошла къ своей цѣли.

Въ то самое время, когда Екатерина казалась всѣми оставленною и покорившеюся своей судьбѣ, она умѣла возбудить къ себѣ многочисленныя симпатіи, найдти искреннихъ друзей и искусныхъ выполнителей ея плановъ. Одно изъ первыхъ мѣстъ между ними безспорно принадлежитъ княгинѣ Дашковой. Ея дядя и отецъ были ревностными приверженцами великаго князя, сестра ея, Елизавета, пользовалась его исключительнымъ расположеніемъ; тѣмъ-неменѣе, Екатерина Романовна, нимало не колеблясь, съ полнымъ увлеченіемъ приняла сторону великой княгини. Интересно было бы узнать, какимъ-образомъ сблизились эти двѣ замѣчательныя женщины и какъ постепенно затягивался тотъ узелъ, который разрѣшился знаменитымъ переворотомъ 1762 года... Отношенія свои къ молодому двору и первые шаги на поприщѣ придворныхъ интригъ княгиня Дашкова, по-обыкновенію, описываетъ живымъ, краснорѣчивымъ языкомъ, но несовсѣмъ-искреннимъ и яснымъ. За неимѣніемъ другихъ источниковъ, извлекаемъ изъ ея записокъ, по-возможности, полное извѣстіе объ этомъ предметѣ.

Начало знакомства относится къ концу 1758 года.

Великая княгиня давно уже слышала о меньшой дочери Романа Воронцова, какъ о дѣвушкѣ очень-умной и начитанной, которая болѣе всего любитъ проводить свое время за книгами, и, вѣроятно, ожидала только удобнаго случая, чтобъ узнать поближе эту оригинальную дѣвушку. Разъ великій князь Петръ Ѳедоровичъ, вмѣстѣ съ супругою, заѣхалъ въ домъ вице-канцлера и провелъ у него цѣлый вечеръ. Екатерина завязала очень-живой, увлекательный разговоръ съ племянницею хозяина о предметахъ, наиболѣе ее интересовавшихъ, замѣтила мимоходомъ о томъ, ка́къ много наслышалась о ней хорошаго, и вообще ловко умѣла затронуть и безъ-того щекотливое самолюбіе. «Въ то время» говоритъ Екатерина Романовна «можно утвердительно сказать, что въ цѣлой имперіи не было двухъ женщинъ, которыя, подобно великой княгинѣ и мнѣ, серьёзно занимались бы чтеніемъ. Это была точка нашего соприкосновенія, и такъ-какъ ея высочество обладала неотразимой прелестью въ обхожденіи съ тѣми, кому хотѣла понравиться, то легко представить, до какой степени она должна была увлечь меня, существо пятнадцатилѣтнее и необыкновенно-впечатлительное.

«Въ этотъ достопамятный вечеръ великая княгиня почти исключительно обращалась ко мнѣ и очаровала меня своею бесѣдою. Я увидала въ ней женщину необыкновенныхъ дарованій, далеко-превосходившую всѣхъ другихъ людей, словомъ—женщину совершенную. Вечеръ прошелъ быстро; но впечатлѣніе его было неизгладимо.»

Вотъ какимъ восторженнымъ языкомъ описываетъ она первое свое знакомство съ будущею императрицею!

Издательница «Записокъ», мистриссъ Брадфордъ, прибавляетъ къ разсказу Дашковой еще одну подробность объ этомъ роковомъ вечерѣ. Собираясь домой, знаменитая гостья уронила свой вѣеръ, а Екатерина Романовна его подняла. Великая княгиня поцаловала дѣвушку и попросила оставить у себя вѣеръ на память объ ихъ первой встрѣчѣ, выразивъ, при этомъ случаѣ, надежду, что первая встрѣча будетъ вмѣстѣ и началомъ ихъ неизмѣнной дружбы.

Дашковы, какъ мы сказали, по возращеніи изъ Москвы, поселились на дачѣ близъ Ораніенбаума и сдѣлались членами того общества, которое составляло молодой дворъ. Въ обществѣ этомъ замѣтно было тогда сильное раздвоеніе. Между-тѣмъ, какъ великій князь любилъ проводить время за стаканомъ пива или пуншу, посреди табачнаго дыма, окруженный, преимущественно, гол-

штинскими офицерами, великая княгиня мало принимала участія въ забахъ своего супруга: она старалась собирать около себя небольшой, избранный кружокъ, который умѣла занимать своею умною бесѣдою и другими изящными развлеченіями. Екатерина Романовна, конечно, не замедлила примкнуть къ ея кружку́, а на вечерахъ у наслѣдника появлялась довольно-рѣдко. Великій князь сначала показывалъ ей такую же благосклонность, какъ и всей фамиліи Воронцовыхъ, и, при первомъ свиданіи съ молодою четою, изъявилъ надежду видѣть ее у себя каждый день. Но скоро онъ замѣтилъ, что Дашкова гораздо-болѣе дорожитъ обществомъ ея супруги и оказываетъ ей рѣшительное предпочтеніе. Петръ не разъ выражалъ княгинѣ свое неудовольствіе на этотъ счетъ, но, впрочемъ, не переставалъ питать къ ней добраго расположенія.

— Дитя мое! сказалъ онъ однажды съ свойственною ему откровенностью:—вамъ бы очень не мѣшало вспомнить, что гораздо-лучше имѣть дѣло съ честными простаками, каковы я и ваша сестра (Елизавета), чѣмъ съ великими умниками, которые выжмутъ сокъ изъ апельсина, а корку выбросятъ вонъ.

Но подобныя замѣчанія выслушивались, обыкновенно, съ большимъ нетерпѣніемъ, и ничто не могло разсѣять обаянія привлекательной личности.

Императрица Елизавета проводила лѣто въ Петергофѣ. Великій князь Павелъ Петровичъ находился всегда подъ ея личнымъ надзоромъ и жилъ отдѣльно отъ своихъ родителей. Матери позволено было видѣть его только разъ въ недѣлю. Обыкновенно, послѣ такого визита, на возвратномъ пути изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ, Екатерина заѣзжала за Дашковой и увозила ее къ себѣ на цѣлый вечеръ. Когда нездоровье, или другія обстоятельства мѣшали имъ часто видѣться, ея высочество писала княгинѣ нѣжныя посланія; та усердно отвѣчала, и, такимъ-образомъ, между ними завязалась дружеская переписка. Къ изданію мемуаровъ Дашковой приложено двадцать-пять писемъ Екатерины, которыя могутъ дать приблизительное понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ друзей до іюньскихъ событій 1762 года.

Въ первое время главною точкою соприкосновенія служатъ литературные интересы. Друзья мѣняются книгами, замѣтками и собственными сочиненіями въ прозѣ и стихахъ. Послѣдніе, то-есть стихи, относятся, впрочемъ, къ одной Екатеринѣ Романовнѣ, которая, какъ существо юное, восторженное, увлекается стремленіемъ къ поэтическому творчеству и свои нѣжныя чувства къ

другу выражаетъ иногда стихами на русскомъ, или французскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, одно изъ ея посланій было украшено слѣдующимъ четверостишіемъ къ портрету великой княгини:

Природа, въ свѣтъ тебя стараясь произвесть,
Дары свои на тя едину истощила,
Чтобы на верхъ тебя величія возвесть,
И, награждая всѣмъ, она насъ наградила (*).

Вотъ ка́къ отвѣчала на эту любезность ея высочество:

«Какіе стихи, какая проза! и это въ семнадцать лѣтъ! Я прошу... нѣтъ, я у моляю васъ не пренебрегать такимъ рѣдкимъ талантомъ. Можетъ-быть, въ этомъ случаѣ я покажусь нѣсколько пристрастною, потому-что, милая княгиня, вы меня самоё сдѣлали предметомъ вашего прекраснаго произведенія. Обвиняйте меня въ тщеславіи, въ чемъ угодно; но я должна сознаться, что не знаю, приходилось ли мнѣ когда-нибудь читать такое правильное, поэтическое четверостишіе. Неменѣе цѣню я его, какъ доказательство вашей любви; я благодарю васъ и сердцемъ, и душой. Только заклинаю продолжать любить меня; будьте увѣрены, что моя теплая дружба всегда будетъ соотвѣтствовать вашимъ чувствамъ. Я съ наслажденіемъ ожидаю тотъ день на будущей недѣлѣ, который вы обѣщали провести вмѣстѣ со мною, и надѣюсь, что это удовольствіе будетъ теперь повторяться чаще, такъ-какъ дни становятся короче. Посылаю вамъ книгу, о которой говорила. Пожалуйста, никому не показывайте. Скажите князю, что я отвѣчаю ему такимъ же дружескимъ поклономъ, какимъ онъ привѣтствовалъ меня сегодня, проходя мимо моихъ оконъ. Ваше общее расположеніе меня глубоко трогаетъ.»

Далѣе изъ писемъ великой княгини видно, ка́къ, рядомъ съ литературными интересами и сердечными изліяніями, возбуждаются мало-по-малу вопросы политическіе.

«Вы ни слова не сказали въ вашемъ послѣднемъ письмѣ о моей рукописи» говоритъ Екатерина. «Я, кажется, понимаю ваше молчаніе; но вы ошибаетесь, если думаете, что я опасалась довѣрить вамъ эту рукопись. Нѣтъ, милая княгиня, единственная причина замедленія была та, что я прежде хотѣла окончить статью, подъ заглавіемъ «Споръ между духовенствомъ и

(*) Стихи эти впослѣдствіи помѣщены были въ первомъ томѣ «Собесѣдника Л. Р. С.»

парламентомъ». И хотя это сочиненіе собственно не стоило труда, но я желала привести въ порядокъ мысли, которыя мнѣ пришли въ голову. Такимъ-образомъ, со всѣми ея недостатками, съ которыми я и сама не могу помириться, посылаю вамъ рукопись, вчернѣ, дурно-написанную и еще хуже составленную. Пожалуйста, не показывайте ея никому и возвратите мнѣ какъ-можно-скорѣе. То же самое обѣщаю сдѣлать съ вашею книгою и рукописью, сейчасъ полученными. Надѣюсь, что вы посѣтите меня на будущей недѣлѣ. Смѣю лично увѣрить васъ въ моемъ уваженіи и преданности и, какъ всегда, со всѣмъ удовольствіемъ подписываюсь: вашъ вѣрный другъ

«Екатерина.»

Въ слѣдующемъ письмѣ великая княгиня выражаетъ безпокойство о томъ, что Дашкова уже три дня продержала «Споръ между духовенствомъ и парламентомъ». Она грозитъ разсердиться за такую неосторожность, которая можетъ навлечь на нее, то-есть на великую княгиню, очень-непріятныя послѣдствія. Не надобно забывать, что супруга наслѣдника окружена была тщательнымъ надзоромъ: за ея образомъ мыслей и поведеніемъ постоянно слѣдили; самая переписка между друзьями сопровождалась разными мѣрами предосторожности и шла черезъ третьи руки довѣренной камер-фрау Чрековской.

Набѣжавшое облачко, впрочемъ, скоро разсѣялось, и, спустя нѣсколько дней, между друзьми опять существовало уже полное согласіе.

«Поздравляю васъ, милая княгиня, со днемъ вашего ангела и желаю вамъ всевозможнаго счастія» пишетъ Екатерина. «Въ прошлый вечеръ только вы однѣ развеселили меня, доказавъ забавной игрой «reveiller le chat», что въ вашихъ рукахъ всякая ничтожная вещь получаетъ интересъ. Возвращаю «Записки» съ благодарностію и должна сказать вамъ: «прости, мой неизмѣнный другъ.»

Къ-сожалѣнію, отвѣты Дашковой до насъ не дошли: изъ предосторожности, Екатерина уничтожала ихъ немедленно. Мы увѣрены, однако, что они были проникнуты самымъ искреннимъ энтузіазмомъ, между-тѣмъ, какъ, читая письма великой княгини, нельзя не замѣтить въ ея выраженіяхъ дружбы какой-то искусственности, недостатка откровенности и присутствія заднихъ мыслей; здѣсь невольно бросается въ глаза легкая, пріятная игра фразами. Такъ пишутъ, конечно, къ женщинѣ,

которой отличныя способности и гордую энергическую натуру очень-хорошо понимаютъ и которую хотятъ приковать къ своимъ интересамъ.

Ка́къ ловко ведена была игра въ чувства, до какой степени молодая Дашкова связывала свою судьбу съ судьбою Екатерины и рѣшилась горячо дѣйствовать въ ея пользу, лучше всего показываетъ слѣдующій эпизодъ, разсказанный самою героинею.

Въ половинѣ декабря 1761 года доктора́ объявили, что императрицѣ осталось жить нѣсколько дней. Екатерина Романовна была нездорова и лежала въ постели, когда до нея дошелъ этотъ слухъ. Около полуночи она встаетъ, надѣваетъ шубу и отправляется въ деревянный дворецъ на Мойкѣ, гдѣ тогда жила царская фамилія. Пройдя на заднее крыльцо и не зная этой части дома, она останавливается въ недоумѣніи. Къ-счастію, попадается навстрѣчу Черековская, которая уступаетъ настойчивымъ просьбамъ неожиданной гостьи и ведетъ ее въ спальню великой княгини. Екатерина дѣлаетъ нѣжные упреки другу за то, что она рискуетъ своимъ слабымъ здоровьемъ, потомъ укладываетъ ее рядомъ съ собою въ постель, завертываетъ ноги въ одѣяло и тогда только позволяетъ высказать причину такого необыкновеннаго посѣщенія.

— Выше высочество, начала Дашкова: при настоящихъ обстоятельствахъ, когда императрицѣ остается жить нѣсколько дней, можетъ-быть, нѣсколько часовъ, я не могу болѣе выносить мысли о той неизвѣстности, въ которую повергаетъ васъ приближающееся событіе. Не-уже-ли нѣтъ никакой возможности отвратить опасность и разсѣять тучу, которая повисла надъ вашей головою? Именемъ неба прошу васъ, довѣрьтесь мнѣ; я хочу доказать, что достойна полнаго довѣрія. Есть ли у васъ какой-нибудь планъ, взяты ли мѣры предосторожности? Давайте мнѣ ваши приказанія и распоряжайтесь мною.

Екатерина заплакала и, взявъ руку Дашковой, прижала ее къ своему сердцу.

— Я невыразимо благодарна вамъ, милая княгиня, сказала она: — но вмѣстѣ съ тѣмъ откровенно признаюсь, что у меня нѣтъ никакого плана, и мнѣ не остается ничего другаго, какъ мужественно перенести все, что́ бы со мной ни случилось. Предаю себя въ руки Всемогущаго и надѣюсь только на его помощь.

— Въ такомъ случаѣ, ваше высочество, друзья должны дѣйствовать за васъ. Что̀ жь касается до меня, то я имѣю довольно

силы, чтобъ воодушевить ихъ всѣхъ. И на какую жертву я была бы для васъ неспособна?

— Ради Бога, княгиня, не подвергайте себя опасности въ надеждѣ отвратить зло, противъ котораго нѣтъ никакихъ средствъ. Если вы за меня попадете въ несчастіе, я вѣчно буду упрекать себя.

— Во всякомъ случаѣ, замѣтила Дашкова:—даю слово, что я не сдѣлаю ни одного шагу, который могъ бы вамъ повредить, и, ка́къ бы ни была велика опасность, пусть она обрушится только на меня одну. Еслибъ слѣпая преданность вашему дѣлу привела меня даже къ эшафоту, то и тогда вамъ не́чего будетъ бояться.

Затѣмъ друзья крѣпко обнялись, и Екатерина Романовна поспѣшила воротиться домой. Эта сцена объясняетъ намъ отчасти, какимъ-образомъ восьмнадцатилѣтняя княгиня получила такое важное значеніе въ послѣдующихъ событіяхъ. Очевидно, ей сначала не довѣряютъ: она еще слишкомъ-молода и неопытна для роли серьёзнаго заговорщика. Но ея рѣшительность, преданность дѣлу и ловкость, которую она показала въ своихъ сношеніяхъ съ другомъ — все это заставило вскорѣ посвятить ее въ тайны опаснаго замысла. Впрочемъ, полнаго довѣрія, какъ увидимъ, она никогда не могла добиться.

25 декабря, въ самый день Рождества, скончалась императрица Елизавета. Петербургъ немедленно присягнулъ ея племяннику, Петру Ѳедоровичу. Въ этотъ день мимо оконъ княгини Дашковой прошли ко дворцу два гвардейскіе полка: семеновскій и измайловскій. Видъ солдатъ, какъ ей показалось, былъ угрюмый и недовольный; по рядамъ пробѣгалъ глухой, сдавленный ропотъ. Извѣстно, что покойная императрица по своей щедрости и снисходительности пользовалась популярностью въ гвардіи, между-тѣмъ, какъ преемникъ ея Петръ III не могъ похвалиться преданностью русскихъ солдатъ.

Екатерина Романовна все еще не покидала своей комнаты. На третій день послѣ восшествія на престолъ, новый императоръ посѣтилъ ея больнаго дядю, канцлера, и просилъ передать княгинѣ, что желаетъ ее видѣть вечеромъ во дворцѣ. Княгиня извинилась подъ предлогомъ нездоровья, но, спустя нѣсколько дней, уступила убѣжденіямъ сестры Елизаветы и отправилась во дворецъ. Императоръ пожурилъ ее за невниманіе къ сестрѣ и заговорилъ о томъ блестящемъ положеніи, какое ожидаетъ ***Романовну***, ясно давая понять, что Елизавета Воронцова законнымъ,

официальнымъ образомъ займетъ мѣсто Екатерины. Княгиня притворилась, будто не поняла намековъ, и поспѣшила сѣсть съ императоромъ за его любимую игру *campis*. Обыкновенные члены этихъ картежныхъ вечеровъ были: Измайловъ, двое Нарышкиныхъ съ женами, фаворитка, графиня Брюсъ, Мельгуновъ, Гудовичъ, Унтернъ, флигель-адъютантъ государя, и еще два-три близкихъ человѣка. Проигравъ партію, Екатерина Романовна забастовала, потому-что на каждый очокъ ставилось десять червонцевъ, а это было для нея слишкомъ-чувствительно. Государь настаивалъ на продолженіе игры; Дашкова упорно отказывалась, наконецъ, сказавъ нѣсколько рѣзкихъ словъ тономъ разсерженнаго ребенка, поспѣшила уйдти.

— Это бѣсъ, а не женщина! восклицали ей вслѣдъ собесѣдники Петра III.

Подобныя размолвки, впрочемъ, не имѣли серьёзныхъ послѣдствій, потому-что государь, дѣйствительно, считалъ ее не болѣе, какъ капризнымъ ребенкомъ.

Проходя рядомъ комнатъ, въ которыхъ толпились придворные, княгиня съ удивленіемъ замѣтила рѣзкую перемѣну въ костюмахъ. Петръ III успѣлъ уже, вмѣсто прежнихъ темнозеленыхъ мундировъ, одѣть гвардію въ новую форму, узкую и неудобную, но отличавшуюся щегольствомъ и пестротою; къ-тому же, почти всѣ придворныя лица преобразились теперь въ военныхъ людей, и нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе того, представляли довольно-забавныя фигуры. Такъ, напримѣръ, Дашкова не могла удержаться отъ улыбки, замѣтивъ между ними князя Никиту Юрьевича Трубецкаго, толстаго, низенькаго старика по-крайней-мѣрѣ 70 лѣтъ. Князь въ царствованіе Елизаветы занималъ должность генерал-прокурора и въ послѣднее время былъ извѣстенъ за дряхлаго, умирающаго подагрика съ опухшими ногами. Но едва Петръ былъ провозглашенъ императоромъ, онъ покинулъ постель, принялъ на себя воинственный видъ и, переименованный генерал-фельдмаршаломъ, явился на гвардейскомъ парадѣ впереди измайловцевъ, въ качествѣ ихъ подполковника. Въ настоящую минуту Трубецкой стоялъ передъ Дашковой въ блестящемъ мундирѣ и въ ботфортахъ, вооруженный съ ногъ до головы, какъ-будто приготовился вступить въ отчаянный бой (*).

(*) То же самое превращеніе съ удивленіемъ замѣчено Болотовымъ. См. его «Петербургъ при Петрѣ III-мъ».

Вскорѣ затѣмъ непріятный случай принудилъ молодыхъ супруговъ къ новой разлукѣ. Разъ утромъ, въ январѣ 1762 года, происходилъ обычный разводъ гвардіи. Очередной полкъ пошелъ ко дворцу. Вдругъ императоръ замѣтилъ, что рота князя Дашкова ошиблась въ манёврѣ; онъ тотчасъ подскакалъ къ молодому человѣку и сдѣлалъ ему жестокій выговоръ. Князь сначала оправдывалъ свою ошибку въ почтительныхъ выраженіяхъ, потомъ не выдержалъ и отвѣчалъ довольно-рѣзко. Екатерина Романовна, конечно, сильно перепугалась, когда узнала объ этомъ происшествіи. Она не надѣялась, чтобъ поступокъ ея мужа остался безнаказаннымъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ враговъ между людьми, окружавшими Петра III. Представлялось одно средство избѣжать дурныхъ послѣдствій—удалиться изъ Петербурга и ждать, пока какая-нибудь политическая перемѣна не дастъ дѣлу другаго оборота, или пока оно не будетъ предано забвенію. Друзья вмѣстѣ съ женою уговорили князя на добровольное изгнаніе—разумѣется, подъ благовиднымъ предлогомъ. Самый предлогъ былъ вскорѣ найденъ: еще не всѣ иностранные дворы получили офиціальное увѣдомленіе о восшествіи на престолъ новаго императора, и канцлеръ Воронцовъ, по просьбѣ племянницы, далъ ея мужу назначеніе въ Константинополь. Дашковъ поспѣшилъ отправиться изъ Петербурга, но ѣхалъ очень-медленно, какъ-будто выжидая какого-то событія; съ каждой почтой онъ писалъ письма къ женѣ, а въ Москвѣ довольно-долго прогостилъ у матери.

Конечно, не безъ тоски переносила княгиня разлуку съ своимъ мужемъ. Екатерина, по-возможности, старалась утѣшать своего печальнаго друга.

«Письма ваши такъ грустно настроены» говоритъ она въ одной запискѣ «что я совѣтовала бы вамъ менѣе сокрушаться объ отъѣздѣ нашего посланника и вѣрить тому, что онъ возвратится къ намъ цѣлъ и невредимъ; по-крайней-мѣрѣ, я желаю этого для нашего общаго утѣшенія.»

Подобное увѣщаніе повторяетъ Екатерина и въ слѣдующей запискѣ, которая замѣчательна, кромѣ-того, намекомъ на одну народную манифестацію въ ея пользу:

«Признаюсь» говоритъ она: «я была глубоко тронута открытымъ выраженіемъ привязанности, которую показала мнѣ большая толпа народа. Была минута, когда восклицанія толпы возвышались до энтузіазма. Никогда самолюбіе мое не было такъ удовлетворено выраженіемъ общественнаго сочувствія, тѣмъ болѣе лест-

наго, что даже мысль о лести была тутъ невозможна. Ясно изъ вашихъ собственныхъ справокъ, какъ оно озадачило другихъ. Я часто провожала покойную императрицу въ подобныхъ случаяхъ, но никогда не видала такого выраженія народной любви. Во всемъ этомъ слышалось что-то болѣе общее и рѣшительное, чѣмъ голосъ одной партіи, что, разумѣется, будетъ пріятно узнать всѣмъ нашимъ друзьямъ (*). Поблагодарите вашего любезнаго мужа за память обо мнѣ и не забудьте увѣдомить его объ этомъ происшествіи. Я очень извиняю вашу чувствительность; но берегитесь, милая княгиня, чтобъ она не обратилась въ слабость. Вспомните, что говоритъ мадамъ Дезульеръ:

Je suis charmé d'être né ni Grec ni Romain,
Pour garder encore quelque chose d'humain.

«Эта чувствительность есть доказательство нѣжнаго сердца, и я увѣрена, что вашъ здравый разсудокъ удержитъ ее въ приличныхъ границахъ. Не могу допустить, чтобъ вы предавались меланхоліи, потому-что это было бы недостойно вашей души.»

Утѣшеніе, кажется, подѣйствовало довольно-успѣшно: жалобы по поводу отсутствующаго супруга вскорѣ замолкли, и княгиня Дашкова всѣмъ существомъ своимъ отдалась политическимъ интересамъ.

Дѣла, между-тѣмъ, принимали очень-серьёзный характеръ, и Петербургъ находился въ тревожномъ ожиданіи близкаго переворота.

II.

УЧАСТІЕ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ПЕРЕВОРОТѢ.

Характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ. — Организація екатерининской партіи. — Рѣшительность княгини Дашковой ускоряетъ развязку. — Екатерина провозглашена императрицею. — Походъ въ Петергофъ. — Петръ III и Минихъ въ день переворота. — Начало непріязни съ княземъ Орловымъ. — Обманутыя надежды. — Немилость императрицы.

Передъ нами 1762 годъ съ его переворотомъ, исполненнымъ великаго, драматическаго интереса, послѣднимъ и самымъ знаменитымъ въ ряду переворотовъ XVIII вѣка, совершившихся въ

(*) Очевидное стараніе придать своему дѣлу народный характеръ по поводу какой-то незначительной манифестаціи, о которой ни Дашкова, ни другія современныя записки, извѣстныя намъ, даже и не упоминаютъ.

пользу женскаго царствованія. Чтобы показать настоящее значеніе княгини Дашковой въ этой политической драмѣ, мы должны предварительно, хотя въ немногихъ чертахъ, изобразить характеры и положеніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ, а потомъ уже перейдти къ очерку самаго событія (*).

Личность Петра III представляетъ странную смѣсь доброты, живости и откровенности—съ дурными привычками, капризною, слабою волею и довѣрчивостію, которая переходила у него въ крайнюю безпечность. Впрочемъ, главная вина его недостатковъ падаетъ не столько на ограниченность природныхъ способностей, сколько на воспитателей принца и на ту среду, въ которой онъ выросъ. Рано потерявъ своихъ родителей, онъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ былъ привезенъ ко двору Елизаветы; а здѣсь никто не позаботился дать наслѣднику престола серьёзное образованіе и познакомить его съ характеромъ народа, или потребностями страны, въ которой онъ долженъ былъ современемъ царствовать. Вступивъ на престолъ, Петръ горячо принялся за реформы, и въ нихъ-то яснѣе всего обнаружилось, вмѣстѣ съ добрымъ сердцемъ и желаніемъ народнаго блага, совершенное отсутствіе политическаго такта. Толпы ссыльныхъ, возвратившихся изъ Сибири, уничтоженіе ненавистнаго *слово и дѣло* и отчасти права вольности, дарованныя русскому дворянству, громко говорили въ пользу его благодушія. Но за-то прочія мѣры произвели сильное неудовольствіе въ тѣхъ сословіяхъ, къ которымъ онѣ относились. Особенно оскорблялось духовенство, съ одной стороны, намѣреніемъ государя отобрать въ казну монастырскія помѣстья, съ другой — его явнымъ предпочтеніемъ лютеранской религіи и малымъ уваженіемъ къ обрядамъ грекороссійской церкви. Послѣднее обстоятельство не замедлило послужить обычнымъ орудіемъ въ рукахъ духовенства длятого, чтобы волновать умы простаго народа. Русская гвардія съ такимъ же неудовольстіемъ смотрѣла на предпочтеніе, которое Петръ оказывалъ своимъ голштинскимъ солдатамъ; при-

(*) Разумѣется, этотъ легкій очеркъ есть попытка передать событія въ томъ видѣ, въ какомъ допускаютъ его состояніе нашихъ источниковъ и другія, независящія отъ насъ, обстоятельства. Кромѣ мемуаровъ Дашковой, я пользовался слѣдующими пособіями: «Geschichte des Russischen Staats»; «Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français»; «Histoire ou anecdotes, par Rulhière»; «Histoire du Pierre III»; «Histoire de Catherine II» J. C., Записки Болотова («Петербургъ при Петрѣ III»).

томъ, она была очень встревожена вновь-заведенными въ ней порядками, какъ-то: ненавистными прусскими мундирами, строгою дисциплиною и утомительными экзерциціями. Государь, страстно любившій военную службу, ежедневно по нѣскольку часовъ присутствовалъ на разводахъ, неутомимо обучая солдатъ новымъ эволюціямъ и ружейнымъ пріемамъ. Это подражаніе пруссакамъ, вмѣстѣ съ восторженнымъ удивленіемъ Петра къ ихъ королю, доведеннымъ до крайности, производили въ войскахъ сильный ропотъ (*). Союзъ съ Фридрихомъ II оказался очень-непопулярнымъ въ Россіи, и отряды, остававшіеся въ Пруссіи, неохотно перешли на сторону своихъ недавнихъ враговъ. Еще ме́ньшею популярностію пользовалась предполагаемая война съ Даніею. Повелитель обширной имперіи вооружалъ флотъ, собиралъ многочисленную армію и лично хотѣлъ ее вести на датскаго короля, чтобъ отнять клочокъ земли, принадлежавшій нѣкогда голштинскимъ герцогамъ. Петръ III такъ спѣшилъ этимъ предпріятіемъ, что не хотѣлъ отложить его до своего коронованія и не поѣхалъ въ Москву совершить священный обрядъ, имѣвшій всегда большое значеніе въ глазахъ русскаго народа. Гвардія, которая должна была принять участіе въ походѣ, готовилась къ нему съ чрезвычайною неохотою.

Та же близорукость обнаружилась и въ выборѣ лицъ, окружавшихъ особу императора, или поставленныхъ въ головѣ различныхъ отраслей управленія. Таковы были: дядя его, ограниченный принцъ Жоржъ, получившій достоинство генерал-фельдмаршала россійскихъ войскъ; генералъ Мельгуновъ, имѣвшій вліяніе на внѣшнюю политику и подкупленный прусскимъ королемъ; продажный Волковъ, статс-секретарь государя, заправлявшій всѣми гражданскими дѣлами; потомъ Измайловъ, министръ двора; братья Нарышкины и прочіе приближенные люди.

Правда, въ свитѣ Петра III встрѣчаются и другія лица, болѣе достойныя его довѣрія; но ихъ было немного, да и тѣ не пользовались почти никакимъ вліяніемъ на внутреннюю, или внѣшнюю политику. Сюда относятся: старый фельдмаршалъ Минихъ, только-

(*) Преданность его интересамъ прусскаго короля простиралась дотого, что, будучи великимъ княземъ, онъ, посредствомъ статс-секретаря Волкова, сообщалъ Фридриху тайныя распоряженія петербургскаго кабинета, посылаемыя въ дѣйствующую армію, и, такимъ-образомъ, уничтожалъ ихъ силу.

что воротившійся изъ Пелыма; А. Н. Гудовичъ, вѣрный генерал-адъютантъ государя; добродушный баронъ Корфъ, генерал-полицiймейстеръ Петербурга, и преданный Петру канцлеръ М. И. Воронцовъ.

Странный, прихотливый вкусъ Петра III болѣе всего отразился на его сердечной привязанности. Фаворитка государя, Елизавета Воронцова, не имѣла ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыя мы привыкли соединять съ мыслію о любимой женщинѣ. Физіономія ея, по свидѣтельству современниковъ, была болѣе, чѣмъ непривлекательна (*); полный станъ ея не отличался стройностію, а хорошія манеры и остроуміе были ей совершенно-чужды. Впрочемъ, надобно отдать фавориткѣ ту справедливость, что она не имѣла злаго сердца и, повидимому, не старалась пріобрѣсти какого-нибудь вліянія на государственныя дѣла: она могла только служить орудіемъ въ рукахъ своихъ честолюбивыхъ родственниковъ.

Изъ иностранныхъ министровъ, разумѣется, наибольшимъ авторитетомъ пользовались посланники англійскій и прусскій. Послѣднему государь оказывалъ чрезвычайныя почести. Представители Франціи и Австріи, напротивъ, не имѣли уже никакого вліянія; мало-того: съ ними не всегда были и любезны.

Мы не входимъ въ подробности объ образѣ жизни Петра III, о его привычкахъ и обращеніи. Дашкова разсказываетъ на этотъ счетъ нѣсколько анекдотовъ, очень-характеристическихъ. Не должно, однако, забывать, что княгиня была жаркимъ приверженцемъ противной партіи: она очевидно старается выставить Петра въ самомъ мрачномъ видѣ, а потому невольно преувеличиваетъ его недостатки (**).

Отъ императора перейдемъ къ его супругѣ. Между-тѣмъ, какъ первый, проводя время или на разводахъ, или въ кругу недостойныхъ любимцевъ и вѣтренныхъ женщинъ, все болѣе-и-болѣе становился непопулярнымъ, Екатерина вела себя съ замѣчательнымъ тактомъ. Ея хитрый, проницательный умъ, дипломатическая ловкость и умѣнье пользоваться обстоятельствами слиш-

(*) См. депешу французскаго посланника Бретейля отъ 11 января и «Записки» Болотова.

(**) Точно также и подъ вліяніемъ того же нерасположенія описываетъ его въ своихъ депешахъ французскій посланникъ Бретейль; иначе отзывается о немъ англійскій повѣренный въ дѣлахъ Кейтъ.

комъ—хорошо извѣстны длятого, чтобъ о нихъ распространяться. Мы ограничиваемся простою передачею фактовъ и замѣтимъ только мимоходомъ, что въ основѣ своей политика ея сходилась съ политикою другой знаменитой въ исторіи Екатерины.

Неизмѣримое превосходство молодой императрицы надъ мужемъ въ искусствѣ держать себя передъ публикою обнаружилось тотчасъ послѣ смерти Елизаветы Петровны. Тѣло покойной государыни, по обычаю, впродолженіе шести недѣль, было выставлено на парадномъ ложѣ. Петръ рѣдко заходилъ въ траурную залу, а если и показывался здѣсь, то развѣ длятого только, чтобъ посмѣяться съ дежурными статс-дамами, передразнить церковнослужителей и сдѣлать выговоръ офицерамъ, или часовымъ за какое-либо несоблюденіе формы, относящееся къ буклямъ, галстукамъ, пуговицамъ и т. п. За-то супруга его каждый день въ глубокомъ траурѣ, съ торжественно-печальнымъ лицомъ навѣщала прахъ Елизаветы; при всякомъ удобномъ случаѣ, она показывала самое строгое уваженіе ко всѣмъ подробностямъ греко-россійскаго обряда, не пропускала ни одного праздничнаго богослуженія и съ большою точностью соблюдала посты. Разумѣется, такое поведеніе не замедлило привлечь къ ней сердца духовенства и простаго народа. Сдѣлавшись императоромъ, Петръ не старался болѣе скрывать своихъ отношеній къ супругѣ, обращался съ нею очень-жостко и нерѣдко заставлялъ ее краснѣть въ присутствіи многочисленнаго общества (*). Онъ, конечно, и не подозрѣвалъ, что подобное обращеніе еще болѣе возбуждало симпатію къ женщинѣ, которая имѣла видъ несправедливо-угнетенной жертвы.

Трудно сказать, на сколько былъ вѣренъ слухъ, распущенный въ народѣ приверженцами Екатерины, о томъ, что ей угрожала судьба Евдокіи Ѳедоровны Лопухиной (то-есть монастырь), и что императоръ, дѣйствительно, имѣлъ намѣреніе вступить въ законный бракъ съ Елизаветою Воронцовой. Къ этому слуху присоединяли другой, болѣе-сомнительный, будто-бы Петръ хотѣлъ устранить и великаго князя Павла Петровича, а на его мѣсто провозгласить наслѣдникомъ престола извѣстнаго своею несчастною судьбою Ивана Антоновича. Вслѣдствіе подобныхъ слуховъ, дѣло принимаетъ такой оборотъ, что партія Екатерины и вели-

(*) Напримѣръ, сцена за обѣдомъ въ то время, когда праздновали миръ съ прусскимъ королемъ. *Зап. Дашк.*

каго князя прежде всего должна была дѣйствовать по чувству самосохраненія.

На образъ жизни и занятія своей супруги Петръ III не обращалъ почти никакого вниманія; онъ считалъ ее погруженною въ чтеніе ненавистныхъ ему французскихъ писателей и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на кружокъ, собиравшійся на скромные вечера императрицы, придавая имъ только литературное значеніе. Впрочемъ, не онъ одинъ заблуждался въ этомъ случаѣ. Екатерина такъ ловко умѣла привести въ дѣйствіе тайныя пружины своего предпріятія и такъ незамѣтно сосредоточила ихъ у себя въ рукахъ, что даже многіе близкіе люди обманывались на ея счетъ. Они были увѣрены, что супруга Петра III держится почти въ-сторонѣ отъ подземныхъ работъ и только не мѣшаетъ своимъ друзьямъ подводить мины. Отъ исходнаго пункта, то-есть изъ дворцовыхъ покоевъ Екатерины, работы эти производились въ двухъ направленіяхъ: одно пошло въ казармы гвардейскихъ солдатъ, другое—въ великолѣпныя палаты придворной и военной аристократіи. Главными агентами были: въ первомъ случаѣ артиллерійскій офицеръ Орловъ, во второмъ—княгиня Дашкова.

Григорій Григорьевичь Орловъ, въ послѣднее время елизаветинскаго царствованія, умѣлъ обратить на себя вниманіе генерал-фельдцейхмейстера Петра Ивановича Шувалова, который и сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Высокій, статный молодой человѣкъ имѣлъ всѣ внѣшнія условія длятого, чтобъ нравиться женщинамъ: у него была красивая, открытая физіономія, вмѣстѣ съ порядочнымъ запасомъ смѣлости и ловкости. Какъ веселый собесѣдникъ, всегда готовый покутить съ пріятелемъ, онъ легко пріобрѣталъ себѣ расположеніе между товарищами, съ солдатами обращался запросто, не уступалъ имъ въ энергіи простонародной русской рѣчи и потому сближался съ ними очень-скоро. Шуваловъ, однако, недолго ему покровительствовалъ. Ловкій адъютантъ не затруднился войдти въ близкія отношенія съ возлюбленною своего начальника (прекрасною княгинею Куракиной), но былъ открытъ и, разумѣется, навлекъ на себя сильное гоненіе со стороны могущественнаго соперника. Онъ могъ бы навсегда погибнуть для исторіи, еслибы въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ не спасло его покровительство великой княгини Екатерины. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Петра III, Шуваловъ умеръ, и, благодаря тому же покровительству, новый генерал-фельдцейхмейстеръ Вильбуа далъ Орлову мѣсто казначея въ артил-

лерійскомъ полку. Вполнѣ-преданный императрицѣ, онъ вскорѣ сдѣлался въ ея рукахъ отличнымъ орудіемъ для вербованія партіи между низшими военными чинами. Прежде всѣхъ посвящены были въ тайны заговора два его собственные брата, рядовые преображенскаго полка, Алексѣй и Владиміръ; потомъ однимъ изъ первыхъ присталъ къ нимъ и Григорій Потемкинъ, тогда еще простой вахмистръ конногвардейскаго полка. При помощи ихъ, Орловъ повелъ дѣло довольно-удачно и въ скоромъ времени успѣлъ навербовать нѣсколько сотъ гвардейскихъ солдатъ. Онъ могъ дѣйствовать тѣмъ свободнѣе, что, продолжая вести обычную, разгульную жизнь и бывая въ казармахъ почти такъ же часто, какъ и прежде, не обращалъ на себя никакого вниманія со стороны высшихъ начальниковъ. Денегъ, конечно, въ этомъ случаѣ не жалѣли.

Въ то же время княгиня Дашкова, какъ она сама говоритъ, начала съ друзей и родственниковъ своего мужа и посвятила въ свои замыслы нѣсколько молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ. Въ числѣ первыхъ были Пассекъ и Бредихинъ, одинъ поручикъ, другой капитанъ преображенскаго полка; потомъ Ласунскій, майоръ Рославлевъ и братъ его капитанъ, офицеры измайловскаго полка. Тѣ, въ свою очередь, набирали себѣ новыхъ товарищей. Работы, начатыя въ двухъ направленіяхъ, вскорѣ встрѣтились и соединились въ одну партію, конечно, не безъ участія той же невидимой руки. Какъ тонко и осторожно дѣйствовала эта рука, видно изъ того, что Дашкова долго не узнавала въ Орловѣ ни человѣка, близкаго къ Екатеринѣ, ни своего соперника на политическомъ поприщѣ; она считала его только за одно изъ орудій своего предпріятія. Девятнадцатилѣтняя княгиня приходила въ восторгъ отъ той мысли, что она создала цѣлую политическую партію и что отъ нея можетъ зависѣть судьба русскаго трона. Ея тщеславіе и честолюбіе возбуждены были въ высшей степени, ея рвеніе не имѣло предѣловъ. Юная заговорщица, впрочемъ, показала и немалую ловкость: она, повидимому, не измѣняла своего обыкновеннаго образа жизни, посѣщала изрѣдка родныхъ и знакомыхъ и казалась очень-далекою отъ всякаго политическаго предпріятія.

Между-тѣмъ, какъ умы офицеровъ и низшихъ гвардейскихъ чиновъ были уже значительно подготовлены къ близкой перемѣнѣ, а двѣ роты измайловскаго полка окончательно подкуплены, главнымъ агентамъ екатерининской партіи удалось еще привлечь на свою сторону нѣсколько лицъ, очень-солидныхъ и занимавшихъ

высокое положеніе въ обществѣ. Здѣсь на первомъ планѣ стояли двое вельможъ: Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій и Никита Ивановичъ Панинъ. Первый изъ нихъ, гетманъ Малороссіи и начальникъ измайловской гвардіи, при своемъ огромномъ богатствѣ и щедрости, пользовался въ войскахъ нѣкоторою популярностью. Осыпанный почестями и подарками во время Елизаветы, онъ умѣлъ пріобрѣсти расположеніе и ея преемника. Что касается до личности Разумовскаго, то это былъ человѣкъ хотя образованный и умный, но довольно-апатичный и лѣнивый, погрузившійся въ наслажденія роскошью и нѣгой. Впрочемъ, когда обстоятельства того сильно требовали, онъ выходилъ изъ своей обычной апатіи и становился довольно-дѣятеленъ. Въ то время всѣ придворныя лица, занимавшія военныя должности, по требованію новаго государя, ни подъ какимъ предлогомъ не могли уклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей, и Петръ съ особеннымъ удовольствіемъ заставлялъ нести тягости военной службы тѣхъ вельможъ, которые были извѣстны привязанностью къ покою и матеріальнымъ удобствамъ жизни. Разумовскій въ этомъ случаѣ показалъ неожиданное усердіе. Онъ съ большими усиліями выучился различнымъ пріемамъ эспонтона и на разводахъ такъ удачно маневрировалъ своимъ полкомъ, что заслужилъ Высочайшее одобреніе. Не всякій могъ догадаться, что такая тревожная дѣятельность и вообще характеръ новаго царствованія очень не по нраву пришлись изнѣженному гетману (*). Лѣнивый и нерѣшительный характеръ Разумовскаго нѣсколько смущалъ княгиню Дашкову; однако, она не отказывалась отъ надежды завербовать его въ члены екатерининской партіи и повела атаку довольно-искусно. Посредствомъ братьевъ Рославлевыхъ и въ-особенности Ласунскаго, который пользовался довѣренностію гетмана, княгиня намекнула ему на возможность близкой перемѣны и на ропотъ его собственнаго полка. Потомъ, во время задушевныхъ разговоровъ, Разу-

---

(*) Нося громкій титулъ гетмана и генерал-фельдмаршала, графъ Разумовскій постоянно отказывался отъ командованія войсками и откровенно сознавался въ своей неспособности. Разсказываютъ, что, находясь однажды въ Берлинѣ, онъ присутствовалъ на большихъ манёврахъ. Фридрихъ II просилъ его сказать свое мнѣніе о движеніяхъ войскъ. «Государь» отвѣчалъ Разумовскій «извините меня: я гражданскій генералъ, а не военный». — «У насъ такихъ генераловъ не бываетъ» сухо замѣтилъ ему король.

мовскому мало-по-малу сообщены были планы заговорщиковъ; наконецъ ему внушили, что знать подобныя намѣренія значитъ въ нихъ участвовать, и что ужь поздно было бы выступать съ доносомъ. Впрочемъ, на послѣднее гетманъ едва-ли былъ способенъ. Вообще онъ поступилъ въ этомъ случаѣ совершенно-сообразно съ своимъ характеромъ, то-есть не отказался отъ участія въ предпріятіи, но, повидимому, не дѣлалъ ничего рѣшительнаго въ его пользу и скорѣе оставался въ роли наблюдателя, нежели двигателя событій.

Никита Ивановичъ Панинъ въ царствованіе Елизаветы Петровны служилъ по дипломатической части и въ 1750-хъ годахъ исполнялъ должность русскаго посланника въ Стокгольмѣ, откуда вывезъ исключительное пристрастіе къ шведскому государственному устройству. Съ 1670 года онъ былъ назначенъ обер-гофмейстеромъ при особѣ Павла Петровича; а такъ-какъ партія Екатерины прикрывалась отчасти именемъ великаго князя, то заговорщики считали его воспитателя необходимымъ лицомъ для успѣха своего дѣла. Кромѣ-того, самъ-по-себѣ Панинъ слылъ за человѣка весьма-умнаго и отличнаго политика; слѣдовательно, содѣйствіе его могло быть очень-полезно. Относительно сибаритскихъ наклонностей онъ не уступалъ Разумовскому, но безспорно превосходилъ гетмана талантами и твердостью характера. Мы приведемъ здѣсь одинъ анекдотъ изъ записокъ Дашковой, который живо характеризуетъ личность старшаго Панина.

Воспитатель великаго князя не разъ высказывалъ желаніе, чтобы государь обратилъ вниманіе на успѣхи его питомца. По просьбѣ двухъ своихъ дядей, голштинскихъ принцевъ, императоръ наконецъ удовлетворилъ желанію Панина и велѣлъ произвести экзаменъ въ своемъ присутствіи. Когда окончилось испытаніе, Петръ сказалъ своимъ дядямъ: «Господа, говоря откровенно, я думаю, что плутишка знаетъ всѣ эти предметы гораздо-лучше насъ». Затѣмъ, въ знакъ своего одобренія, онъ пожаловалъ маленькаго Павла капраломъ гвардіи; но Панинъ возражалъ противъ такой награды на томъ основаніи, что она можетъ вскружить голову юному принцу, который будетъ считать себя наравнѣ съ людьми взрослыми. Императоръ уважилъ его мнѣніе и взялъ назадъ капральство; за-то самого воспитателя онъ наградилъ чиномъ генерала отъ инфантеріи. Представьте себѣ блѣдную, болѣзненную фигуру Панина, который искалъ во всемъ удобства, жилъ постоянно при дворѣ, одѣвался очень-тщательно, носилъ

роскошный парикъ и вообще живо напоминалъ придворнаго вельможу временъ Лудовика XIV, и вы тогда поймете, какое впечатлѣніе произвело на него неожиданное производство, сопряженное въ то время съ дѣйствительной службой. Когда на слѣдующій день Мельгуновъ объявилъ ему о новомъ чинѣ, Панинъ отвѣчалъ рѣшительно, что онъ намѣренъ бѣжать въ Швецію, если нѣтъ другихъ средствъ избавиться отъ такой незаслуженной награды. Императоръ съ удивленіемъ узналъ объ этомъ отвѣтѣ. «Я всегда думалъ, что Панинъ умный человѣкъ» сказалъ онъ: «теперь вижу, что ошибся; не говорите мнѣ болѣе о немъ.» Впрочемъ, государь уступилъ и на этотъ разъ: онъ далъ Панину права на всѣ гражданскія отличія, соотвѣтствующія чину генерала отъ инфантеріи.

Нелегко было подчинить своимъ планамъ человѣка съ такимъ умомъ и характеромъ; его нельзя было ни убѣдить, ни запугать. Это трудное дѣло княгиня Дашкова взяла лично на себя. Она тѣмъ удобнѣе могла дѣйствовать, что Панинъ приходился ей дальнимъ родственникомъ. Какимъ-образомъ молоденькой княгинѣ удалось уловить въ свои сѣти осторожнаго политика, въ-точности неизвѣстно. Сама княгиня говоритъ объ отношеніяхъ къ нему довольно-глухо; если же вѣрить иностраннымъ писателямъ, то она при этомъ случаѣ употребила обыкновенное оружіе женщинъ— кокетство, и вскружила голову почтенному дипломату. Рюльеръ даже прибавляетъ, будто-бы Дашкова такъ далеко зашла въ своемъ усердіи, что не отступала уже ни отъ какихъ препятствій и для успѣха партіи рѣшилась пожертвовать собою. Княгиня въ своихъ запискахъ энергически возстаетъ противъ такой черной клеветы. Хотя въ современномъ обществѣ подобныя жертвы и были дѣломъ довольно-обыкновеннымъ, но мы въ этомъ случаѣ охотно принимаемъ сторону княгини и не можемъ обвинить ея по одному только слуху, который не подтверждается никакими ясными доказательствами.

Разъ, когда Екатерина Романовна серьёзно заговорила съ Панинымъ о намѣреніяхъ произвести переворотъ, онъ выслушалъ ее очень-внимательно и потомъ вошелъ въ длинное разсужденіе о формахъ, въ которыхъ могъ бы совершиться этотъ переворотъ. По его мнѣнію, необходимо было пригласить сенатъ къ участію въ дѣлѣ и опереться на авторитетъ его, какъ главнаго государственнаго учрежденія. Далѣе онъ потребовалъ, чтобъ императрица получила только права регента за малолѣтствомъ своего сына, и

выразилъ при этомъ надежду осуществить свою любимую мечту, то-есть шведскую конституцію въ Россіи. Княгиня отвѣчала уклончиво; она не отрицала надеждъ Панина, но говорила, что прежде всего надобно подумать о главной реформѣ — объ устраненіи Петра III, а второстепенные вопросы могутъ быть рѣшены послѣ. Впрочемъ, она, кажется, не добилась отъ него никакихъ положительныхъ результатовъ. Незамѣтно, чтобъ обер-гофмейстеръ, такъ же, какъ и гетманъ, явился горячимъ дѣятелемъ приготовлявшихся событій: оба они вели себя осторожно и не спѣшили рисковать своимъ настоящимъ положеніемъ, предоставляя это дѣло людямъ молодымъ и незначительнымъ.

Третье лицо, занимавшее почетное мѣсто въ обществѣ, которое болѣе-рѣшительнымъ образомъ приняло сторону Екатерины, былъ архіепископъ новгородскій Димитрій Сѣченовъ. Онъ славился своею ученостью и пользовался значительнымъ авторитетомъ въ духовномъ сословіи; а, при помощи духовенства, очень недовольнаго реформами Петра III, ему нетрудно было расположить массу въ пользу переворота. Не забудемъ, что Екатерина старалась придать своему дѣлу православно-народный характеръ, и впослѣдствіи она, при всякомъ удобномъ случаѣ, любила указывать на воцареніе свое, какъ на актъ народной воли, освященной религіозными интересами.

Потомъ, изъ значительныхъ людей той же партіи наиболѣе-извѣстны: князь Барятинскій, родственникъ Дашковой, по мужу; князь Рѣпнинъ, племянникъ Панина; генерал-прокуроръ сената Глѣбовъ и генералъ И. И. Бецкій. Княгиня постаралась также привлечь на свою сторону адъюнкта академіи наукъ, Г. Н. Теплова, который, при удобномъ случаѣ, могъ оказать большую пользу своимъ краснорѣчивымъ слогомъ и умѣньемъ объясняться на языкѣ простаго народа. Кромѣ-того, онъ былъ важенъ и по вліянію на своего воспитанника гетмана Разумовскаго.

Мы должны упомянуть еще объ одномъ лицѣ, которому иностранные писатели даютъ очень-видное мѣсто въ исторіи переворота. Это лицо былъ Одаръ, родомъ изъ Пьемонта, человѣкъ, весьма-искусный во всякаго рода интригахъ, поклонявшійся притомъ одному только божеству — золоту. Канцлеръ Воронцовъ помѣстилъ его сначала адвокатомъ въ коммерческой коллегіи; потомъ онъ пріобрѣлъ довѣріе княгини Дашковой и, по ея рекомендаціи, сдѣланъ былъ чѣмъ-то въ родѣ домашняго секретаря при Екатеринѣ. Княгиня не соглашается съ извѣстіями иностран-

цевъ и рѣшительно не признаетъ за нимъ роли совѣтника, или руководителя, а выставляетъ его просто своимъ protégé (*). Говорятъ, что онъ придумалъ, между-прочимъ, одну мѣру предосторожности, оказавшуюся впослѣдствіи очень-благоразумною, а именно: за каждымъ изъ главныхъ заговорщиковъ долженъ былъ постоянно слѣдить шпіонъ, который, въ случаѣ какой-нибудь нечаянности, напримѣръ измѣны, или ареста, могъ бы тотчасъ предупредить остальныхъ объ опасности. Точно также удачнымъ оказалось слѣдующее распоряженіе княгини Дашковой: она поручила камердинеру Екатерины (Шкурину) держать постоянно наготовѣ дорожный экипажъ и почтовыхъ лошадей въ Петергофѣ. Такимъ-образомъ, императрица, въ случаѣ нужды, могла обойдтись безъ придворной кареты, которую надобно было бы просить у министра двора (Измайлова), человѣка, всего менѣе расположеннаго въ ея пользу.

Дворъ на лѣто 1762 года переѣхалъ въ Петергофъ; а княгиня Дашкова оставалась въ Петербургѣ и могла теперь дѣйствовать гораздо-свободнѣе. Она часто, подъ предлогомъ нездоровья, уѣзжала отсюда на дачу, гдѣ всю энергію своего воображенія употребляла на изобрѣтеніе способа окончательно привести въ исполненіе свой замыселъ. Дача княгини лежала близъ Краснаго Кабачка, въ болотистой мѣстности, покрытой густымъ кустарникомъ. Петръ III велѣлъ раздѣлить эту землю на нѣсколько участковъ и роздалъ ихъ своимъ придворнымъ. Посредствомъ осушенія почвы и тщательной обработки, безплодная земля была скоро превращена богатыми владѣльцами въ цвѣтущую равнину. Одинъ участокъ, подаренный прежде какому-то голштинскому генералу и покинутый имъ по своей чрезмѣрной влажности, предложили княгинѣ Дашковой. Опасаясь большихъ издержекъ, она также хотѣла отъ него отказаться; но отецъ ея взялся на собственный счетъ построить домъ, и, такимъ-образомъ, дѣло уладилось. Около той поры случилось въ Петербургѣ до сотни крестьянъ, принадлежавшихъ князю Дашкову, которымъ въ извѣстное время года позволялось работать на самихъ себя. Изъ любви къ доброму помѣщику, крестьяне вызвались поработать четыре дня сряду въ новомъ его владѣніи и потомъ каждый праздникъ по очереди продолжать свой трудъ. Съ ихъ помощью были прорѣзаны не-

(*) Однако, послѣ переворота, Одаръ удалился на родину, осыпанный благодѣяніями Екатерины II.

большие каналы и поднята почва для постройки дома со всѣми принадлежностями. Екатерина Романовна начинала уже привязываться къ первому поземельному пріобрѣтенію своему, но не давала ему еще никакого названія, рѣшившись освятить именемъ того святаго, въ день котораго увѣнчается успѣхомъ ея политическое предпріятіе. Однажды графъ Строгановъ, родственникъ княгини, провожалъ ее верхомъ на дачу. Желая показать спутнику какія-то работы, она повела его кратчайшимъ путемъ по мѣсту, которое походило издали на зеленый лугъ; но наружность оказалась обманчивою: княгиня по колѣно погрузилась въ болото. Жестокая простуда была слѣдствіемъ такой неосторожности. Императрица утѣшила больную дружескимъ письмомъ: она шутила надъ ея приключеніемъ и обвиняла во всемъ неловкаго кавалера. Екатерина Романовна написала отвѣтъ въ минуту сильнаго лихорадочнаго припадка; а потому посланіе ея представляло безсвязную смѣсь прозы и стиховъ на французскомъ и на русскомъ языкахъ. Тутъ были и пламенныя выраженія дружбы, и темныя пророчества о будущемъ.

Между-тѣмъ, число людей, принимавшихъ участіе въ заговорѣ, постоянно возрастало. Умы въ столицѣ были сильно встревожены, и мѣсто глухаго броженія заступилъ уже явный ропотъ. Гвардейскіе солдаты, и безъ-того недовольные предстоявшимъ походомъ въ Данію, волновались слухами о печальной судьбѣ, которая ожидала императрицу и наслѣдника. Посреди такого волненія, ропота и почти-явныхъ приготовленій къ перевороту, одинъ только человѣкъ оставался невозмутимо-спокойнымъ и упорно отказывался вѣрить всѣмъ предосторожностямъ Этотъ человѣкъ былъ Петръ III. Прусскій король, который имѣлъ причины болѣе, нежели кто другой, заботиться о сохраненіи престола своему великодушному сосѣду, съ большимъ безпокойствомъ слѣдилъ за положеніемъ дѣлъ въ Петербургѣ. Онъ рѣшился въ самыхъ деликатныхъ формахъ предупредить Петра и дружескимъ письмомъ напомнилъ ему о необходимыхъ мѣрахъ предосторожности. Фридрихъ совѣтовалъ императору отложить походъ въ Данію хотя до слѣдующаго года и ни въ какомъ случаѣ не оставлять предѣловъ имперіи прежде своего коронованія: онъ приводилъ въ примѣръ стрѣлецкіе мятежи, случившіеся въ отсутствіе Петра I, и вообще очень-настойчиво убѣждалъ союзника позаботиться о своей личной безопасности. Письмо это не произвело никакого впечатлѣнія. «Моя слава» отвѣчалъ Петръ «требуетъ, чтобъ я расква-

тался съ датчанами за тѣ оскорбленія, которыя они нанесли лично мнѣ и моимъ предкамъ. Церемонія коронованія потребуетъ огромныхъ расходовъ; а эти деньги пусть лучше пойдутъ на войну съ датчанами. Что же касается до моей личной безопасности, то прошу васъ о томъ не безпокоиться. Солдаты называютъ меня своимъ отцомъ; они сами говорятъ, что желаютъ лучше повиноваться мужчинѣ, чѣмъ женщинѣ. Я прогуливаюсь одинъ пѣшкомъ по улицамъ Петербурга, и еслибъ кто захотѣлъ причинить мнѣ зло, то давно нашелъ бы случай исполнить свое намѣреніе; но я всѣмъ дѣлаю добро, вполнѣ полагаюсь на волю Божію и ничего не боюсь.» (Какъ ярко обозначилась въ этихъ словахъ добрая, но до-крайности самоувѣренная и безпечная натура Петра III!) Подобный отвѣтъ, конечно, не успокоилъ короля: онъ продолжалъ свои предостереженія. Гольцъ и Шверинъ, его повѣренные при петербургскомъ дворѣ, должны были во время дружескихъ бесѣдъ съ императоромъ, при всякомъ удобномъ случаѣ наводить разговоръ на угрожавшую опасность. Усилія ихъ были напрасны. «Послушайте» сказалъ имъ наконецъ императоръ: «если вы хотите остаться моими друзьями, не касайтесь болѣе этого ненавистнаго мнѣ предмета». Прусскіе министры поневолѣ должны были замолчать и оставить дѣло на произволъ судьбы. Такимъ-образомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что успѣху екатерининской партіи болѣе всего содѣйствовалъ самъ императоръ.

Почти всѣ приготовленія заговорщиковъ были уже окончены; оставалось только условиться во времени и въ способѣ развязки. На этотъ счетъ безпрерывно составлялись разные проекты, но по бóльшей части были отвергаемы, какъ неудобоисполнимые. Главное разногласіе встрѣчалось при обсужденіи вопроса: произвести ли рѣшительный ударъ до отплытія императора въ Данію, или послѣ? Дѣло, однако, окончилось скорѣе всякаго ожиданія.

Поручикъ Пассекъ болѣе всѣхъ другихъ заговорщиковъ отличался буйнымъ, отчаяннымъ характеромъ. Ему-то и суждено было ускорить развязку драмы. 27 іюня нѣсколько неосторожныхъ словъ его доведены были до свѣдѣнія ближайшаго начальника, майора Воейкова. Пассека немедленно арестовали, и курьеръ поскакалъ съ этимъ извѣстіемъ къ императору въ увеселительный замокъ Ораніенбаумъ. Шпіонъ, слѣдившій за поручикомъ, тотчасъ далъ знать объ его арестѣ кому слѣдуетъ. Въ полдень Григорій Орловъ явился съ тѣмъ же извѣстіемъ къ княгинѣ Дашковой, у которой въ

то время сидѣлъ Никита Ивановичъ Панинъ. Послѣдній съ свойственною ему флегмою началъ доказывать, что такое происшествіе очень-неважно и что Пассекъ, вѣроятно, провинился въ какихъ-нибудь пустякахъ. Княгиня, напротивъ, была сильно встрѣвожена. Чтобъ прекратить недоумѣніе, Орловъ поспѣшилъ въ казармы узнать, арестованъ ли Пассекъ за государственную измѣну, или за нарушеніе военной дисциплины; въ первомъ случаѣ онъ обѣщалъ тотчасъ увѣдомить и княгиню, и Панина. Екатерина Романовна, подъ предлогомъ утомленія, поспѣшила удалить отъ себя гостя; но лишь-только онъ вышелъ, какъ она покрылась широкимъ мужскимъ плащомъ, надѣла шляпу и пѣшкомъ отправилась къ Рославлеву.

Дорóгою ей повстрѣчался всадникъ, скакавшій во весь галопъ. Сердце Дашковой сильно забилось. Она громко произнесла имя Алексѣя Орлова, хотя до-сихъ-поръ не видала никого изъ братьевъ Григорія. Всадникъ сдержалъ коня и, узнавъ, кто говоритъ съ нимъ, сказалъ:

— Княгиня, я ѣхалъ увѣдомить васъ, что Пассекъ арестованъ, какъ государственный преступникъ. Четверо часовыхъ стоятъ у его дверей и двое у каждаго окна. Братъ мой поѣхалъ извѣстить Панина, и я уже далъ знать объ этомъ Рославлеву.

— Чтó Рославлевъ, очень встревоженъ?

— Да, отчасти. Но зачѣмъ намъ стоять на улицѣ: позвольте проводить васъ домой.

— Нѣтъ, мы здѣсь безопаснѣе, чѣмъ дома, гдѣ будемъ окружены прислугою. Однако, нѐчего терять время. Скажите Рославлеву, Ласунскому, Черткову и Бредихину, чтобъ они отправились въ измайловскій полкъ и каждый на своемъ посту ожидалъ прибытія императрицы. Потомъ вы, или одинъ изъ вашихъ братьевъ летите, какъ молнія, въ Петергофъ и умоляйте ея величество отъ моего имени тотчасъ сѣсть въ экипажъ и скакать къ измайловскимъ казармамъ: тамъ будутъ ждать ее друзья, чтобы провозгласить государыней и проводить въ столицу. Время такъ дорого, прибавьте ей, что я даже не могла зайдти домой и написать нѣсколько словъ; скажите, что я на улицѣ заклинала васъ передать мою просьбу и ускорить ея прибытіе. Можетъ-быть, я сама выѣду къ вамъ навстрѣчу.

Орловъ ускакалъ, а Екатерина Романовна воротилась домой. Она была въ такомъ возбужденномъ состояніи, что рѣшительно не могла сколько-нибудь спокойно дождаться новыхъ извѣстій. Въ

тотъ вечеръ она должна была получить полный мужской костюмъ; но портной, какъ нарочно, замедлилъ, и это обстоятельство увеличило ея нетерпѣніе. Чтобъ избѣжать подозрѣнія, или любопытства прислуги, княгиня легла въ постель; но не прошло и часу, какъ раздался сильный стукъ въ наружныя двери. Вскочивъ съ постели, она приказала принять каждаго, кто бы ни явился. Вошелъ незнакомый молодой человѣкъ, который назвалъ себя младшимъ Орловымъ (Владиміръ). Онъ пріѣхалъ спросить, не слишкомъ ли рано посылать за императрицею и нужно ли дѣйствительно требовать ее поспѣшнымъ пріѣздомъ въ Петербургъ.

Этотъ вопросъ взбѣсилъ княгиню. Она не стала удерживать своего негодованія, а, напротивъ, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ начала упрекать братьевъ Орловыхъ за неисполненіе порученій, данныхъ Алексѣю.

— Вы упустили самое драгоцѣнное время, прибавила она въ заключеніе.—Вмѣсто опасенія потревожить государыню, вы должны были бы скорѣе привезти ее сюда безъ чувствъ, нежели оставлять въ такой опасности. Знаете ли, что она рискуетъ попасть въ тюрьму, а можетъ-быть потерять и самую жизнь на эшафотѣ вмѣстѣ съ нами? Скажите вашему брату, чтобъ онъ сію же минуту скакалъ въ Петергофъ и немедленно привезъ императрицу; а иначе все погибло.

Молодой человѣкъ, казалось, былъ очень пораженъ; онъ обѣщалъ въ-точности исполнить порученіе и поспѣшилъ къ брату.

Когда Орловъ ушелъ, княгинею овладѣло самое тревожное настроеніе духа. Она хотѣла бы скакать на петергофскую дорогу; но неакуратность портнаго удерживала ее дома. А, между-тѣмъ, воображеніе работало безъ-устали: то представлялись ей торжество императрицы и толпы ликующаго народа, то въ ея умѣ рисовались другіе, страшные образы, и ей чудилась блѣдная, обезображенная фигура Екатерины. Малѣйшій звукъ болѣзненно отзывался во всемъ ея организмѣ. «Никогда» говоритъ она «впродолженіе всей своей жизни я не страдала столько, сколько въ эту ночь». Наконецъ эта несносная ночь прошла, и наступило знаменитое утро 28 іюня.

Екатерина въ послѣднее время уединенно жила въ Петергофѣ и проводила очень-безпокойные дни, ожидая развязки задуманнаго предпріятія. Впрочемъ, она регулярно получала извѣстія о положеніи дѣлъ и въ лагерѣ союзниковъ, и въ лагерѣ непріятелей. Подъ предлогомъ очистить всѣ комнаты дворца для импера-

тора, который собирался пріѣхать сюда со всею свитою, императрица поселилась въ отдаленномъ углу петергофскаго сада, въ павильйонѣ, носившемъ названіе *Монплезиръ.* Такимъ-образомъ, избавляясь отъ надзора часовыхъ, она пріобрѣтала болѣе свободы въ образѣ жизни и легко могла направить свой путь, смотря по обстоятельствамъ: или въ Петербургъ, чтобъ тамъ сѣсть на престолъ, или искать спасенія за границей.

Въ этомъ павильйонѣ однажды, рано поутру, Екатерину будятъ слѣдующія слова: «Ваше величество, вставайте: нельзя терять ни одной минуты». Она открываетъ глаза и видитъ передъ собою гвардейца съ атлетическими формами. На вопросы ея Алексѣй Орловъ отвѣчалъ только многозначительною фразою: «Пассекъ арестованъ», и вышелъ изъ комнаты. Нѣсколько минутъ спустя, онъ воротился; императрица уже успѣла кое-какъ одѣться. Она сѣла въ экипажъ, приготовленный по распоряженію княгини Дашковой; рядомъ съ нею помѣстилась вѣрная камерфрау Чероковская; назади сталъ камердинеръ Шкуринъ (впослѣдствіи тайный совѣтникъ); Орловъ взялъ въ руки возжи и погналъ лошадей во весь галопъ. На половинѣ дороги лошади падаютъ отъ усталости, и путники очутились въ крайнемъ затрудненіи. Сначала ихъ выручаетъ изъ опасности проѣзжавшая мимо крестьянская телега; а потомъ они увидали карету, быстро приближавшуюся къ нимъ навстрѣчу. Въ ней сидѣлъ Григорій Орловъ съ княземъ Барятинскимъ. «Все готово!» кричитъ Орловъ. Барятинскій уступилъ свое мѣсто Екатеринѣ, и въ седьмомъ часу утра она достигла гвардейскихъ казармъ, которыя составляли особый лагерь и служили предмѣстьемъ столицѣ.

Несмотря на торжественное объявленіе, что все готово, только десятка два-три рядовыхъ и одинъ барабанщикъ встрѣтили императрицу. Такое ничтожное число нѣсколько смутило ее. Но вотъ забили тревогу: измайловцы мало-по-малу собираются и окружаютъ Екатерину. Она обращается къ солдатамъ съ энергическою рѣчью, прося у нихъ защиты отъ своихъ непріятелей, которые покушаются на жизнь ея собственную и ея сына. Солдаты клянутся умереть за императрицу и бросаются цаловать ея ноги, руки, платье. Въ это время офицеры приводятъ остальныхъ измайловцевъ, является полковой священникъ съ крестомъ, и весь полкъ присягнулъ Екатеринѣ II. Она садится опять въ коляску и ѣдетъ въ казармы семеновскаго полка. Вслѣдъ за своимъ премьер-майоромъ, графомъ Брюсомъ, семеновцы кричатъ: «ура!»

и пристают къ Екатеринѣ. Съ такимъ же энтузіазмомъ примыкаютъ къ ней преображенскій полкъ и конная гвардія. Государыня посылаетъ отрядъ арестовать начальника конныхъ гвардейцевъ, принца Жоржа, и вмѣстѣ съ тѣмъ предохранить его отъ оскорбленій. Григорій Орловъ послѣ-того спѣшитъ къ артиллеристамъ, своимъ товарищамъ по службѣ, и уговариваетъ ихъ послѣдовать примѣру гвардіи; но солдаты хотятъ прежде узнать мнѣніе своего начальника. Генералъ Вильбуа нѣсколько минутъ колеблется, однако уступаетъ торжественно-повелительному тону Екатерины, и артиллерія также переходитъ на ея сторону. Между-тѣмъ, на мѣсто дѣйствія прибываютъ: гетманъ Разумовскій, Панинъ, князь Волконскій, И. И. Шуваловъ, Строгановъ и другіе вельможи, которые присоединяются къ свитѣ императрицы. Окруженная войскомъ и толпами стекавшагося отовсюду народа, она отправляется въ Казанскій Соборъ; здѣсь встрѣчаетъ ее архіепископъ новогородскій и высшее духовенство. Пропѣли благодарственный молебенъ и торжественно провозгласили Екатерину самодержавнѣйшею императрицею всея Россіи, а великаго князя Павла Петровича — наслѣдникомъ престола. Изъ собора государыня перешла въ новый зимній дворецъ, выстроенный Петромъ III, гдѣ уже собрались для принесенія присяги сенатъ и синодъ. Немедленно приняты были и необходимыя мѣры безопасности: подступы къ дворцу защищены артиллеріей, на многихъ пунктахъ разставлены сильные отряды часовыхъ, а сообщеніе съ Петергофомъ и Ораніенбаумомъ совершенно прекращено. Императрица поспѣшила разослать курьеровъ въ провинціи къ гражданскимъ и военнымъ начальникамъ, а также къ генераламъ войскъ, находившихся въ Пруссіи; дипломатическій корпусъ получилъ офиціальное увѣдомленіе о перемѣнѣ царствующей особы.

Теперь посмотримъ, что̀ въ это время дѣлала наша героиня.

«Я приказала своей горничной подать парадное платье» разсказываетъ Дашкова «и поѣхала въ зимній дворецъ. Трудно описать, какимъ-образомъ я пробралась въ него. Дворецъ былъ густо окруженъ солдатами, которые стекались со всѣхъ сторонъ, такъ-что я принуждена была выйдти изъ кареты и пѣшкомъ протѣсняться сквозь толпу. Но какъ-скоро узнали меня нѣкоторые изъ офицеровъ и солдатъ, они тотчасъ подняли на руки и пронесли надъ толпою, которая осыпала меня привѣтствіями и благословеніями. Когда я очутилась въ передней, голова у меня сильно кружилась, волосы были въ безпорядкѣ, платье измято

и изорвано; съ этими-то знаками своего тріумфальнаго шествія я поспѣшила къ императрицѣ, и мгновенно мы очутились въ объятіяхъ другъ у друга. «Слава Богу, слава Богу!» вотъ все, чтó мы могли произнести въ первую минуту.

«Потомъ она разсказала мнѣ о своемъ побѣгѣ изъ Петергофа, о своихъ опасеніяхъ и надеждахъ во время пути. Я слушала ее съ сильнымъ біеніемъ сердца и, въ свою очередь, описала несносные часы, проведенные мною, а также мое сожалѣніе о томъ, что не могла быть подлѣ императрицы въ торжественную минуту, когда рѣшалась судьба ея вмѣстѣ съ судьбою цѣлой Россіи. Еще разъ мы обнялись отъ всего сердца, и въ это мгновеніе я испытала такое счастіе, какое едва-ли приходилось испытать кому-либо изъ смертныхъ. Замѣтивъ, что ея величество была украшена екатерининскою лентою и еще не имѣла андреевской, то-есть высшаго государственнаго отличія (хотя женщина и не могла его носить, но, какъ царствующая особа, она становилась гросмейстеромъ этого ордена), я подбѣжала къ Панину, сняла съ него голубую ленту и перевязала ее черезъ плечо императрицы, а красную екатерининскую, по ея желанію, спрятала къ себѣ въ карманъ.

«Послѣ легкаго завтрака, государыня объявила, что лично поведетъ полки въ Петергофъ, и пригласила меня сопровождать ее въ этомъ походѣ. Чтобъ явиться передъ войскомъ въ гвардейской формѣ, она взяла мундиръ у капитана Талызина, а я достала себѣ такой же у поручика Пушкина — двухъ молодыхъ офицеровъ нашего роста. Мундиры эти были покроя петровскихъ временъ, и замѣчательно, что едва императрица вошла въ городъ, какъ гвардейцы, будто по командѣ, сбросили новый, иностранный костюмъ и всѣ до единаго явились въ своей старой формѣ. Когда императрица занялась приготовленіями къ пути, я поспѣшила домой переодѣться, а, возвратившись, нашла ее засѣдающую посреди сенаторовъ, которые разсуждали о манифестѣ. Тепловъ исполнялъ при этомъ должность секретаря.

«Такъ-какъ извѣстіе о побѣгѣ изъ Петергофа и слѣдующихъ затѣмъ событіяхъ могло уже достигнуть Ораніенбаума, то мнѣ пришелъ въ голову вопросъ: чтó будетъ, если Петръ III захочетъ быстро двинуться къ Петербургу и усмирить возстаніе войска? Подъ вліяніемъ этого опасенія, я рѣшилась немедленно сообщить свои мысли императрицѣ. Часовые офицеры, вѣроятно, удивленные моею смѣлостью, или полагавшіе, что я имѣю позволеніе

(безъ котораго они не могли никого пропускать), отворили мнѣ двери въ комнату совѣта. Я подошла къ ея величеству и начала говорить ей на ухо, прося употребить всѣ возможныя мѣры предосторожности со стороны Петра III. Теплову тотчасъ было велѣно написать указъ и копію съ него, вмѣстѣ съ другими инструкціями, послать двумъ военнымъ отрядамъ, которые должны были занять подступы къ городу по рѣкѣ, остававшіеся до того времени незащищенными. Между-тѣмъ, почтенные сенаторы, не узнавъ женщины въ военномъ мундирѣ, съ удивленіемъ смотрѣли на вошедшаго незнакомца. Замѣтивъ это, государыня назвала меня по имени и прибавила, что моей дружбѣ и усердію обязана она въ настоящую минуту указаніемъ на одинъ очень-важный пунктъ, который совершенно упустила изъ виду. Сенаторы поднялись съ своихъ мѣстъ и единодушно мнѣ поклонились. Этотъ знакъ уваженія заставилъ меня покраснѣть и застыдиться, потому-что онъ такъ мало шелъ къ мальчику-гвардейцу (такова была тогда моя наружность), который вломился въ святилище совѣта и несовсѣмъ-почтительно шепталъ на ухо ея величеству.»

Около 9 часовъ вечера Екатерина, осмотрѣвъ полки, большую часть отдѣлила для охраненія столицы, а съ остальными выступила въ походъ. Наружность императрицы была именно такая, которая могла производить на массу очень-выгодное впечатлѣніе. Представьте себѣ полную, красивую женщину лѣтъ тридцати съ небольшимъ, въ темнозеленомъ преображенскомъ мундирѣ, съ голубою андреевскою лентою черезъ плечо. Дубовая вѣтка осѣняла ея шляпу, изъ-подъ которой спускались густые локоны каштановыхъ волосъ; она гордо и ловко держалась на своемъ свѣтлосѣромъ конѣ съ тигристою шерстью. Подлѣ нея ѣхали гетманъ Разумовскій, два фельдмаршала И. И. Шуваловъ и графъ Бутурлинъ, генерал-фельдцейхмейстеръ Вильбуа, князь Волконскій — новый начальникъ конной гвардіи, и другіе высшіе чины. Между ними рѣзко отличалась оригинальная фигура мальчика-гвардейца, который старался не отставать отъ другихъ и также бодро сидѣть на конѣ.

Въ селѣ Красный Кабачокъ Екатерина остановилась и дала роздыхъ утомленнымъ войскамъ, которыя впродолженіе 12 часовъ были на ногахъ. Сама она также имѣла нужду въ покоѣ; еще болѣе нуждалась въ немъ княгиня Дашкова, почти незнавшая сна въ послѣднія двѣ недѣли. Императрица расположилась съ княгинею въ какомъ-то бѣдномъ трактирѣ и предложила своей

спутницѣ, не раздѣваясь, лечь вмѣстѣ съ нею на одну кровать. Екатерина Романовна разостлала шинель, которою ссудилъ ихъ полковникъ Карь, и онѣ улеглись. Но зоркій глазъ княгини тотчасъ замѣтилъ маленькую дверь позади изголовья. Она пошла осмотрѣть, нѣтъ ли какой опасности, и, найдя, что дверь узкимъ, темнымъ коридоромъ сообщалась съ наружнымъ дворомъ, поставила около нея двухъ часовыхъ, приказавъ имъ не трогаться съ мѣста безъ ея позволенія. Воротясь въ комнату, Дашкова застала императрицу за какими-то бумагами, и такъ-какъ имъ не спалось, то онѣ прочитали вмѣстѣ копію съ приготовленнаго манифеста, а потомъ предались веселымъ мечтамъ о будущемъ и позабыли всякую мысль объ опасности.

Да и напрасно было бы тревожиться подобною мыслью. Со стороны Петербурга и Ораніенбаума не оказалось никакого серьёзнаго противодѣйствія.

Послѣднее время Петръ беззабтно проводилъ время въ своей маленькой резиденціи. Ораніенбаумъ, расположенный на берегу Финскаго Залива, противъ самаго Кронштадта, былъ очень-красиво выстроенъ и имѣлъ всѣ принадлежности исправно-вооруженной крѣпости. Тутъ, между-прочимъ, обращали на себя вниманіе: двойные валы, уставленные рядами пушекъ, каменныя казармы, театръ, домъ коменданта, цейхгаузъ и въ-особенности дворецъ Петра III—зданіе очень-изящной архитектуры. Но все это было въ такихъ малыхъ размѣрахъ, что городъ совсѣмъ не имѣлъ характера грозной крѣпости и въ-сущности служилъ только увеселительнымъ за́мкомъ. Гарнизонъ его составляли голштинскій отрядъ тысячи въ полторы человѣкъ, потѣшное войско Петра III, и до тысячи русскихъ солдатъ.

Извѣстіе объ арестѣ Пассека, какъ и слѣдовало ожидать, не произвело здѣсь никакого впечатлѣнія. 28 іюня императоръ, сдѣлавъ обычный разводъ гарнизону, въ 10 часовъ утра отправился въ Петергофъ, гдѣ на слѣдующій день должно было происходить празднество по случаю его именинъ. Въ одной каретѣ съ Петромъ сидѣла Елизавета Воронцова; за ними слѣдовалъ рядъ экипажей, наполненныхъ свитою. Въ числѣ кавалеровъ находились: старый фельдмаршалъ Минихъ, канцлеръ Воронцовъ, съ братомъ Романомъ, Александръ Шуваловъ и прусскій посланникъ баронъ Гольцъ. Между дамами первыя мѣста занимали: принцесса голштейнбекская Екатерина, супруга канцлера, княгиня Трубецкая, Нарышкина, супруга гетмана Разумовскаго и двѣ хорошенькія гра-

фини Строганова и Брюсъ (тремъ послѣднимъ дамамъ и въ голову не приходило, что мужья ихъ въ то время ужь присягали супругѣ императора Петра III). Впереди поѣзда скакалъ верхомъ генерал-адъютантъ императора, Гудовичъ.

На половинѣ дороги поравнялся съ ними крестьянинъ въ телегѣ. Тщетно кричалъ онъ кучеру и форейтору, чтобъ они остановились; экипажи пронеслись мимо. Но, спустя нѣсколько минути, Гудовичъ остановилъ поѣздъ и сказалъ что-то на ухо императору. Онъ встрѣтилъ одного изъ камергеровъ императрицы, который сообщилъ ему, что Екатерины нѣтъ въ Петергофѣ, и никто не знаетъ, гдѣ она находится; только одинъ часовой замѣтилъ, что рано поутру, между 4 и 5 часами, изъ саду вышли двѣ женщины. Императоръ, съ Гудовичемъ, кратчайшей дорогой поспѣшилъ въ Монплезиръ. Онъ тщательно осмотрѣлъ комнату Екатерины, заглядывалъ подъ кровать, открывалъ шкафы, ящики и проч. «Не говорилъ ли я вамъ, что эта женщина на все способна?» повторялъ Петръ, обращяясь къ дамамъ, которыя, между-тѣмъ, къ нему подоспѣли. Поиски въ саду и въ окрестностяхъ остались также безуспѣшны. Придворные начинали догадываться; но никто еще не рѣшался высказать своихъ опасеній. Недоумѣніе, впрочемъ, скоро разъяснилось письмомъ, которое подалъ Петру незнакомецъ, одѣтый въ крестьянское платье. Въ цѣломъ, большомъ городѣ нашелся только одинъ человѣкъ, рѣшившійся извѣстить государя объ опасности. Это былъ итальянецъ Брессанъ, прежній его камердинеръ, награжденный за свою службу одною почетною должностью. Онъ послалъ въ Петергофъ самаго расторопнаго человѣка изъ своей прислуги, приказавъ ему переодѣться крестьяниномъ; послѣдній успѣлъ выбраться изъ Петербурга въ томъ самый моментъ, когда часовые готовились занять свои посты и прекратить сообщеніе съ окрестностями. «Гвардія въ полномъ возстаніи (писалъ Брессанъ). Императрица предводительствуетъ ею. Бьетъ девять часовъ; она отправляется въ церковь Казанской Богоматери. Весь народъ, кажется, присталъ къ движенію, и не видно нигдѣ вѣрныхъ подданныхъ вашего величества.»—«Видите, господа, вѣдь я былъ правъ!» воскликнулъ Петръ, обращаясь къ своей свитѣ. Вслѣдъ затѣмъ прискакалъ одинъ голштинскій офицеръ, спасшійся изъ Петербурга, и подтвердилъ извѣстіе Брессана.

Петръ III и свита его были поражены изумленіемъ. Первый нашелся канцлеръ Воронцовъ: онъ попросилъ у императора позво-

леніе отправиться въ Петербургъ и обѣщалъ уговорить мятежниковъ. Вмѣстѣ съ нимъ поѣхали князь Трубецкой и А. И. Шуваловъ. Канцлеръ явился къ императрицѣ въ то самое время, когда она собиралась въ походъ, и началъ довольно-краснорѣчиво излагать ей послѣдствія, которыя могли произойдти отъ ея слишкомъ-смѣлаго предпріятія. «Не я причиною того, что̀ случилось, а воля всего народа» отвѣчала Екатерина, показывая на войско и жителей столицы. Воронцовъ объявилъ себя плѣнникомъ и просилъ поставить караулъ къ дверямъ его дома, что̀ и было исполнено. Трубецкой и Шуваловъ безъ особеннаго принужденія произнесли новую присягу.

Между-тѣмъ, Петръ отправилъ въ Ораніембумъ повелѣніе гарнизону какъ-можно-скорѣе выступить къ нему на помощь и привезти съ собою пушки. Онъ принялся диктовать указы и разсылать курьеровъ во всѣ стороны, безпрерывно обращаясь за совѣтами къ своимъ приближеннымъ и не слѣдуя изъ нихъ ни одному. Вообще, въ этотъ рѣшительный день своей жизни, Петръ дѣйствовалъ, какъ человѣкъ, совсѣмъ потерявшій голову, тогда-какъ положеніе его было далеко не безнадежно и средства для успѣшной борьбы находились подъ-руками. Не говоря о войскахъ, расположенныхъ въ Пруссіи, и о провинціяхъ государства, неуспѣвшихъ заявить себя въ пользу той или другой стороны, онъ имѣлъ еще въ своемъ распряженіи значительныя военныя силы. Притомъ, у него былъ человѣкъ, стоившій цѣлой арміи, которому, какъ полководцу, не нашлось бы равнаго соперника въ непріятельскомъ лагерѣ. Мы говоримъ о Минихѣ. Послѣ двадцатилѣтняго заточенія, онъ воротился изъ Сибири такимъ же бодрымъ и неутомимымъ, какъ прежде, и ни въ какую критическую минуту не терялъ своей энергіи, ни способности быстро создавать планъ дѣйствія и находить средства для его исполненія. До настоящей поры старый фельдмаршалъ держался въ-сторонѣ отъ мелочной, придворной дѣятельности; но теперь онъ выступилъ впередъ, и его солдатское сердце сильно забилось при видѣ опасности. Кто знаетъ, можетъ-быть, въ эту минуту въ честолюбивой душѣ снова мелькнула надежда на первую роль въ исторіи, если удастся спасти императора! Сначала, какъ говорятъ, Минихъ предложилъ императору немедленно стать во главѣ войскъ, расположенныхъ въ Ораніенбаумѣ и другихъ ближнихъ мѣстахъ, и идти въ Петербургъ; а тамъ, безъ-сомнѣнія, пристали бы къ нему многіе солдаты, неучаствовавшіе въ заговорѣ и увлечен-

ные только примѣромъ товарищей. Когда такой планъ былъ найденъ слишкомъ-смѣлымъ, фельдмаршалъ началъ доказывать, что, во всякомъ случаѣ, ни Петергофъ, ни его окрестности не могутъ служить твердымъ пунктомъ для обороны, что самое вѣрное спасеніе государя въ Кронштатѣ, гдѣ находится сильный гарнизонъ и откуда нетрудно будетъ привести въ покорность мятежную столицу.

Этотъ совѣтъ вдохнулъ мужество и бодрость въ сердца людей, окружавшихъ Петра III, которые уже повѣсили голову и замѣтно пріунывли. Въ Кронштадтъ тотчасъ отправленъ генералъ Ливерсъ, съ порученіемъ принять тамъ начальство; онъ вскорѣ прислалъ въ Петергофъ адъютанта съ извѣстіемъ, что гарнизонъ готовъ умереть за государя и ожидаетъ его съ нетерпѣніемъ. Между-тѣмъ, сюда прибылъ голштинскій отрядъ. Увидавъ подлѣ себя любимое войско, Петръ воодушевился, поставилъ его въ боевой порядокъ и объявилъ, что постыдно было бы обратиться въ бѣгство, еще не встрѣтивъ непріятеля. Государь оставилъ пока въ сторонѣ спасительный совѣтъ Миниха и сталъ осматривать сосѣдніе холмы, выбирая мѣсто для позиціи. Онъ снова началъ диктовать указы, разсылать курьеровъ, выслушивать разныя мнѣнія и, такимъ-образомъ, продолжалъ терять драгоцѣнное время. Вдругъ приходитъ извѣстіе, что Екатерина, съ 15,000 регулярнаго войска, выступила на петергофскую дорогу. Тогда только императоръ съ своею свитою поспѣшилъ на морской берегъ, гдѣ ожидали его двѣ яхты; гребцы дружно принялись за весла, и яхты стали быстро приближаться къ Кронштадту. Но уже было поздно: тамъ произошла перемѣна.

Посреди тревожныхъ хлопотъ и своихъ блестящихъ успѣховъ въ столицѣ, предводители екатерининской партіи сначала не обратили должнаго вниманія на кронштадтскую крѣпость и на флотъ. Не ранѣе полудня замѣтили они, какой важный пунктъ упустили изъ виду, и не одно сердце дрогнуло при мысли—что̀ будетъ, если Петръ воспользуется этимъ пунктомъ! Вице-адмиралъ Талызинъ получилъ приказаніе отправиться туда и, если можно, принять тамъ начальство. Талызинъ сѣлъ въ шлюпку и, подъ страхомъ смертной казни, запретилъ гребцамъ объявлять, въ какомъ мѣстѣ они отчалили. Комендантъ, безъ позволенія котораго никто не могъ войдти въ крѣпость, самъ встрѣтилъ вице-адмирала и началъ распрашивать его о новостяхъ. Тотъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, что, находясь въ загородномъ домѣ, онъ услыхалъ о безпокойствахъ въ Петербургѣ и поспѣшилъ къ своему посту,

то-есть на флотъ. Лишь-только комендантъ удалился, Талызинъ собралъ вокругъ себя толпу солдатъ и объявилъ имъ, что Петръ уже не царствуетъ, а потому они только немедленною покорностію императрицѣ могутъ заслужить ея благосклонность и богатыя награды. Солдаты противъ этого ничего не возражаютъ. Вице-адмиралъ идетъ съ ними въ крѣпость и арестуетъ высшихъ офицеровъ; потомъ онъ созываетъ весь гарнизонъ и безъ труда убѣждаетъ его присягнуть Екатеринѣ II. Крѣпость немедленно приняла грозный видъ и приготовилась къ бою.

Около десяти часовъ вечера два маленькія судна подошли къ пристани и бросили якорь.

— Кто идетъ? окликаютъ часовые.

— Императоръ.

— Нѣтъ болѣе императора!

Какъ громомъ поразили всѣхъ эти слова. Петръ встаетъ, сбрасываетъ съ себя плащъ.

— Это я, говоритъ онъ.—Развѣ вы меня не узнаете?

Онъ хочетъ сойдти на берегъ; но караульный офицеръ требуетъ, чтобъ яхты тотчасъ плыли назадъ. Петръ въ уныніи опускается на скамью. Тщетно Минихъ и Гудовичъ убѣждаютъ его спрыгнуть вмѣстѣ съ ними на берегъ, увѣряя, что солдаты не посмѣютъ сдѣлать выстрѣлъ. Женщины, между-тѣмъ, поднимаютъ плачъ и умоляютъ о пощадѣ; а Талызинъ грозитъ залпомъ, если суда промедлятъ еще хоть одну минуту. Тогда, по командѣ капитана, матросы отрубили якорный канатъ и начали поспѣшно грести отъ берега. Дружное «ура» въ честь Екатерины загремѣло вслѣдъ убѣгающимъ.

Когда яхты вышли за черту пушечнаго выстрѣла, гребцы, не получая никакихъ приказаній, не знали, куда направить путь, и остановились въ недоумѣніи. Петръ съ Елизаветою Романовной и ея отцомъ сидѣлъ въ каютѣ, предаваясь совершенному унынію. Ночь была тихая, ясная. На палубѣ стоялъ Минихъ и спокойно смотрѣлъ на звѣзды. Повидимому, онъ размышлялъ о непостоянствѣ человѣческой судьбы; а можетъ-быть въ этой неугомонной головѣ уже роились новые планы. Его позвали въ каюту.

— Фельдмаршалъ! сказалъ Петръ:—я очень жалѣю, что ранѣе не послѣдовалъ вашимъ совѣтамъ. Но вы такъ много испытали перемѣнъ въ своей жизни: скажите, что̀ могу я теперь предпринять?

— Еще не все потеряно, ваше величество! отвѣчалъ Ми-

нихъ.—Надобно, немедля ни минуты, изо всѣхъ силъ грести къ Ревелю, сѣсть на военный корабль и плыть въ Пруссію, гдѣ находится русская армія. Тамъ императоръ станетъ во главѣ 80,000 человѣкъ, и я ручаюсь, что въ-теченіе шести недѣль Петербуръ и вся Россія будутъ снова у вашихъ ногъ.

Дамы и бóльшая часть кавалеровъ возразили противъ этого, что гребцы не въ-силахъ будутъ довезти ихъ до Ревеля.

— Ничего! перебилъ Минихъ. — Когда они устанутъ, мы всѣ вмѣстѣ примемся за весла.

Но свита рѣшительно воспротивилась такому предложенію. Дамы въ-особенности убѣждали государя воротиться назадъ и старались возбудить въ немъ надежду на примиреніе съ Екатериною. Петръ уступилъ.

Въ 4 часа утра 29 іюня онъ вышелъ на берегъ въ Ораніенбаумѣ, велѣлъ свести караулы, принять пушки съ лафетовъ и солдатамъ сложить съ себя оружіе, чтобъ безполезнымъ сопротивленіемъ не раздражать непріятелей. Нѣсколько минутъ спустя, Петръ схватился за мысль о бѣгствѣ и приказалъ сѣдлать лошадей, но опять уступилъ слезамъ Воронцовой и отмѣнилъ приказаніе. Тогда онъ написалъ первое письмо къ Екатеринѣ и отправилъ его съ княземъ Голицынымъ. Близъ Сергіевскаго Монастыря посолъ встрѣтилъ императрицу, которая уже оставила свой ночлегъ и снова выступила въ походъ. Супругъ предлагалъ полное примиреніе. Екатерина отвѣчала, что уже слишкомъ-поздно, и продолжала путь. Императоръ послалъ второе письмо съ Измайловымъ и требовалъ свободнаго пропуска въ Голштинію. Коварный министръ двора, воротясь назадъ, сталъ уговаривать Петра, чтобъ онъ положился на великодушіе своей супруги. Безстрашный Минихъ далъ послѣдній совѣтъ императору: побѣдить, или пасть, сражаясь во главѣ своихъ вѣрныхъ голштинцевъ. Старикъ клялся, что только по его трупу враги достигнутъ до особы государя. Но тотъ оставался глухъ къ подобнымъ совѣтамъ и подписалъ присланный ему актъ отреченія.

Печальную исторію Петра III мы доскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ. Измайловъ арестовалъ его именемъ императрицы, посадилъ въ карету, вмѣстѣ съ Гудовичемъ и Елизаветой Воронцовой, и отвезъ въ Петергофъ, куда уже прибыла Екатерина. Здѣсь плѣнниковъ разлучили. Гудовичъ одинъ только до конца не измѣнялъ своей присягѣ и вообще велъ себя съ большимъ достоинствомъ. Петра въ тотъ же день отправили въ замокъ Ропшу, подъ

прикрытіемъ военнаго отряда, которымъ начальствовали Алексѣй Орловъ, Пассекъ, князь Ѳедоръ Барятинскій и Баскаковъ. Здѣсь, нѣсколько дней спустя, онъ скончался.

Говорятъ, когда Минихъ представился императрицѣ, «Фельдмаршалъ! замѣтила она ему: «вы хотѣли поднять на меня оружіе.»

— Могъ ли я поступить иначе и сдѣлать менѣе для государя, которому обязанъ своею свободою? отвѣчалъ Минихъ. — Но съ этой минуты мой долгъ сражаться за ваше величество, и вы найдете во мнѣ ту же самую преданность.

Пока Екатерина отдыхала въ Петергофѣ и рѣшала разные государственые вопросы, княгиня Дашкова ни на-минуту не оставалась спокойною. Умъ и чувства ея были въ самомъ возбужденномъ состояніи; она такъ увлеклась своею политическою ролью, что совсѣмъ позабыла объ усталости, во все вмѣшивалась, суетилась то въ одномъ, то въ другомъ углу дворца, хлопотала около плѣнниковъ, раздавала приказанія гвардейцамъ, содержавшимъ караулъ, и пр. Но тутъ же, въ петергофскомъ дворцѣ, пришлось ей выдержать первые удары своему самолюбію и своимъ, безъ сомнѣнія, очень-далеко простиравшимся, надеждамъ.

До-сихъ-поръ, какъ мы видѣли, княгиня Дашкова имѣла полное право считать себя душою и главнымъ двигателемъ переворота, правою рукою императрицы; по-крайней-мѣрѣ, ее поддерживали въ этомъ убѣжденіи. Теперь, когда переворотъ совершился, не представлялось никакой надобности скрывать настоящія отношенія. Мало-того: вѣроятно, поспѣшили умѣрить ея излишнюю пылкость и дали ей понять, чтобъ она не принимала на себя слишкомъ-повелительнаго тона.

Погруженная въ свои хлопоты, Екатерина Романовна съ озабоченнымъ лицомъ шла отъ голштинской принцессы на половину императрицы; вдругъ, къ великому своему удивленію, она замѣтила Григорія Орлова, въ одной изъ внутреннихъ комнатъ дворца, на диванѣ, въ самой покойной позѣ. Орловъ извинился тѣмъ, что ушибъ себѣ ногу, и, оставаясь въ томъ же положеніи, продолжалъ распечатывать какой-то большой пакетъ. Княгиня часто видала подобные пакеты у своего дяди: въ нихъ обыкновенно заключались важныя государственныя бумаги.

— Что̀ это вы дѣлаете? спросила она съ изумленіемъ.

— Да вотъ императрица приказала мнѣ распечатать, отозвался Орловъ спокойнымъ тономъ.

— Не можетъ быть. Такого пакета нельзя раскрывать безъ официальнаго порученія; а на подобное порученіе ни вы, ни я не имѣемъ права.

Въ эту минуту разговоръ былъ прерванъ докладомъ, что солдаты, томимые жаждою, вломились въ погреба и киверами пьютъ венгерское, принимая его за медъ. Княгиня побѣжала возстановлять порядокъ, и убѣжденія ея такъ сильно подѣйствовали, что гвардейцы, выливъ вино на землю, отправились утолять жажду къ ближнему ручью. Екатерина Романовна отдала имъ всѣ деньги, бывшія при ней, и обѣщала, что въ столицѣ откроютъ для нихъ всѣ питейные домá. Это обѣщаніе солдаты приняли съ восторгомъ и весело разошлись по своимъ мѣстамъ.

Между-тѣмъ, къ дивану, на которомъ лежалъ Орловъ, придвинули столъ, накрытый на три прибора. Вошла императрица и пригласила княгиню занять мѣсто подлѣ себя. Та не могла скрыть своего волненія.

— Чтó съ вами? спросила императрица.

— Ничего. Я сильно утомилась отъ безсонныхъ ночей, продолжавшихся цѣлыя двѣ недѣли.

Желая завязать общій разговоръ и вызвать Дашкову на любезность, Екатерина сообщила ей, что Орловъ намѣренъ оставить службу.

— Не правда ли, прибавила она: — вѣдь это могло бы показаться неблагодарностью съ моей стороны, если бы я позволила ему выйдти въ отставку?

— Ваше величество имѣете столько средствъ награждать заслуги, отвѣчала Дашкова: — что, по моему мнѣнію, нѣтъ никакой нужды препятствовать этому намѣренію.

Тутъ только въ первый разъ княгиня убѣдилась въ справедливости своего подозрѣнія, которое съ-нѣкоторыхъ-поръ тяготило ея душу и возбуждало въ ней сильную ревность. Она съ ужасомъ увидѣла, что имѣетъ соперника, далеко превосходившаго ее своею приближенностью и своимъ вліяніемъ. Съ той минуты быстро начали разлетаться завѣтныя мечты о неразрывной дружбѣ и безграничной довѣренности, уступая мѣсто другимъ, менѣе-благороднымъ чувствамъ.

Послѣ обѣда императрица съ своею свитою отправилась назадъ въ Петербургъ. Дорóгою она сошла съ коня и сѣла въ каре-

ту, пригласивъ съ собою Дашкову, графа Разумовскаго и князя Волконскаго. Здѣсь, между-прочимъ, произошелъ слѣдующій трогательный разговоръ:

— Чѣмъ я могу отблагодарить васъ за ваши услуги? самымъ дружескимъ тономъ спросила императрица Екатерину Романовну.

— Чтобъ сдѣлать меня счастливѣйшей изъ смертныхъ, отвѣчала княгиня: — нужно немного: будьте матерью отечеству и позвольте мнѣ остаться вашимъ другомъ.

— Все это составляетъ мой долгъ; но мнѣ бы хотѣлось нѣсколько облегчить себя отъ бремени той признательности, которую я къ вамъ чувствую.

— Я думаю, что услуги, оказанныя другомъ, не могутъ никогда сдѣлаться бременемъ.

— Хорошо, хорошо! сказала императрица, улыбаясь и обнимая княгиню. — Вы можете ворчать на меня, сколько угодно; но я все-таки не отстану и сію же минуту хочу знать, чтó могу сдѣлать для вашего удовольствія.

— Въ такомъ случаѣ, ваше величество, благоволите воскресить моего дядю, хотя онъ живъ и здоровъ.

— Чтó значитъ эта загадка?

Екатерина Романовна смѣшалась и попросила обратиться къ князю Волконскому за объясненіемъ.

— Вѣроятно, сказалъ Волконскій: — княгиня разумѣетъ дядю своего мужа, генерала Леонтьева, съ отличіемъ служившаго въ прусской войнѣ. Онъ потерялъ значительную часть имѣнія по интригамъ жены, которая по законамъ не имѣетъ на эту часть никакого права.

Императрица вспомнила, что офицеры, отличившіеся въ войнѣ противъ Фридриха II, находились въ особенной немилости у ея супруга, и обѣщала поправить несправедливость.

— Его воскресеніе, замѣтила она: — должно быть предметомъ перваго указа, который я подпишу.

— Я буду чрезвычайно благодарна вашему величеству, отвѣчала Екатерина Романовна: — потому-что генералъ Леонтьевъ единственный братъ и задушевный другъ княгини Дашковой, моей свекрови.

Вступленіе Екатерины II въ столицу совершилось съ необыкновеннымъ торжествомъ. Улицы и окна домовъ были наполнены народомъ. Громкіе клики толпы, военная музыка и звонъ колоколовъ — все это сливалось въ одинъ веселый гулъ; а въ глубинѣ

ярко-освѣщенныхъ храмовъ виднѣлись группы священнослужителей въ полномъ облаченіи, которые пѣли благодарственные молебны. Княгиня, красовавшаяся на конѣ подлѣ своей возлюбленной императрицы, готова была плакать отъ умиленія; считая себя главною виновницею торжества, она, по собственному признанію, восхищалась въ-особенности тою мыслію, что переворотъ досихъ-поръ не былъ запятнанъ ни одною каплею крови.

У подъѣзда лѣтняго дворца Дашкова разсталась на-время съ императрицею и спѣшила увидѣться съ родными. Прежде всего она навѣстила дядю канцлера. Михаилъ Иларіоновичъ оставался, повидимому, совершенно спокоенъ насчетъ своей судьбы и даже прочелъ племянницѣ цѣлую лекцію о непостоянномъ счастіи людей, приближенныхъ къ царской особѣ. Отъ него Екатерина Романовна поѣхала къ отцу и съ удивленіемъ нашла въ его домѣ караулъ изъ цѣлой сотни солдатъ; тутъ же сидѣла подъ арестомъ и ея сестра Елизавета. У всѣхъ дверей стояли часовые. Обстоятельство это сильно раздосадовало княгиню. Она не выдержала и осыпала упреками на французскомъ языкѣ начальника отряда, Каковинскаго, какъ-будто офицеръ поступилъ въ этомъ случаѣ по собственному усмотрѣнію. Княгиня замѣтила ему, что онъ не понялъ приказаній государыни, которая отрядила его сюда затѣмъ, чтобъ быть полезнымъ графу Роману и охранять его отъ пьяныхъ гвардейскихъ солдатъ, а не содержать подъ стражею, какъ измѣнника. Потомъ она велѣла немедленно отпустить половину караула во дворецъ и не преминула внушить часовымъ, что ихъ напрасно мучили всѣхъ въ домѣ графа, тогда-какъ здѣсь было бы очень-достаточно десяти, или двѣнадцати человѣкъ.

Отецъ, по словамъ княгини, принялъ ее безъ всякаго неудовольствія и жаловался только, съ одной стороны, на тѣсное заключеніе, а съ другой—на то, что Елизавета находится съ нимъ подъ одною кровлею. Дашкова старалась успокоить его сколько могла. По другому извѣстію (*), напротивъ, графъ Романъ былъ сильно вооруженъ противъ дочери за участіе въ переворотѣ и не хотѣлъ ея видѣть впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Что́ жь касается сестры, то она встрѣтила княгиню горькими слезами и жалобами на свое бѣдственное положеніе. Та, по-возможности, утѣшала плѣнницу и дала слово испросить для нея полное прощеніе.

Отсюда Екатерина Романовна заѣхала домой, расцаловала свою

(*) Дидро: «Портретъ княгини Дашковой».

крошку Анастасію и, не успѣвъ еще перемѣнить военнаго костюма, опять поспѣшила во дворецъ. Здѣсь ожидала ее новая непріятность. Входя въ комнату императрицы, она встрѣтила Григорія Орлова и Каковинскаго, выходившихъ изъ комнаты. Екатерина приняла ее съ нахмуреннымъ лицомъ и сдѣлала строгое замѣчаніе за то, что она говорила съ офицеромъ пофранцузски въ присутствіи солдатъ и, вопреки правиламъ военной дисциплины, хотѣла отослать часовыхъ.

Княгиня вспыхнула.

— Нѣсколько часовъ прошло съ той минуты, какъ ваше величество взошли на престолъ, отвѣчала она глубокоо-горченнымъ тономъ: — и въ этотъ короткій промежутокъ времени солдаты показали мнѣ такое довѣріе, что я не могла оскорбить ихъ, на какомъ бы языкѣ ни говорила.

Она вынула изъ кармана екатерининскую ленту и подала ее императрицѣ.

— Потише, не горячитесь! возразила Екатерина.—Во всякомъ случаѣ, вы должны согласиться, что не имѣли права снимать караула съ его поста.

— Правда; но не-уже-ли я должна была позволить Каковинскому дѣлать только то, что́ ему угодно, и оставлять безъ защиты дворецъ вашего величества?

— Хорошо, хорошо! Замѣчаніе мое относится къ вашей опромечтивости; а вотъ это за ваши услуги, добавила императрица, перебрасывая черезъ плечо княгини екатерининскую ленту.

Вмѣсто-того, чтобъ принять на колѣняхъ высокій знакъ отличія, Дашкова продолжала печальнымъ голосомъ:

— Простите, ваше величество; но, мнѣ кажется, уже настало время, когда истина должна удалиться изъ вашего присутствія. Позвольте мнѣ просить васъ, чтобъ вы взяли назадъ этотъ орденъ: какъ украшеніе, въ моихъ глазахъ онъ не имѣетъ большой цѣны; а какъ награда, онъ нейдетъ къ тѣмъ людямъ, которые считаютъ свои услуги непродажными.

— По-крайней-мѣрѣ, дружба имѣетъ свои права, и не-уже-ли въ настоящую минуту вы откажете мнѣ въ удовольствіи ими воспользоваться? говорила имепературица, нѣжно обнимая княгиню.

Послѣдняя, вмѣсто отвѣта, съ энтузіазмомъ поцаловала обнимавшую ее руку. Извѣстна необыкновенная способность Екатерины II привлекать къ себѣ людей пріятностью обращенія. Ей стоило, напримѣръ, сказать нѣсколько ласковыхъ словъ, и оскорбленный

другъ снова очутился у ея ногъ и снова въ восторгѣ отъ своей государыни! Екатерина очень-кстати объявила при этомъ случаѣ, что отправленъ уже курьеръ за княземъ Дашковымъ и что ему, вмѣстѣ съ супругою, будутъ приготовлены комнаты во дворцѣ. Девятнадцать лѣтъ также берутъ свое: княгиню, напримѣръ, довольно-много занимала въ эти минуты ея собственная наружность. «Я стояла передъ ней (говоритъ она) въ военномъ мундирѣ, съ красной лентой черезъ плечо и со шпорой на одномъ сапогѣ, имѣя видъ пятнадцатилѣтняго мальчика.»

Спустя нѣсколько дней розданы были высочайшія награды тѣмъ, которыя способствовали возведенію на престолъ Екатерины II. Панинъ получилъ графскій титулъ съ пенсіономъ въ 5,000 рублей; князю Волконскому и графу Разумовскому назначенъ такой же пенсіонъ; братья Орловы награждены графскимъ титуломъ, а Григорій Григорьевичъ, кромѣ-того, произведенъ въ генерал-лейтенанты и пожалованъ кавалеромъ ордена Александра Невскаго. Гвардейскіе офицеры и другія лица, принимавшія наиболѣе-дѣятельное участіе въ переворотѣ, получили по 600 крестьянъ; желающимъ изъ нихъ, вмѣсто крестьянъ, выдавали 2,400 рублей. Остальнымъ, менѣе-важнымъ участникамъ назначено въ подарокъ по 2,000 рублей.

Княгиня, по ея словамъ, очень удивилась, встрѣтивъ свое имя въ спискѣ лицъ, награжденныхъ крестьянами, и сначала хотѣла отказаться отъ всякаго подарка; но потомъ, чтобъ не подать повода къ сплетнямъ и не оскорбить государыни, она составила счетъ всѣмъ долгамъ своего мужа и, такъ-какъ сумма ихъ почти равнялась 24,000 рублямъ, перевела на его кредиторовъ право получить эти деньги изъ собственной казны ея величества.

Отчего именно происходило ея удивленіе, Дашкова не объясняетъ. Была ли она оскорблена матеріальнымъ вознагражденіемъ за услуги, которыя требовали одной только дружеской признательности, или вознагражденіе показалось ей слишкомъ-незначительнымъ въ-сравненіи съ услугами? Второе предположеніе гораздо-вѣроятнѣе перваго. Княгиня, кажется, оскорбилась, увидѣвъ себя отнесенною къ разряду только второстепенныхъ заговорщиковъ, тогда-какъ она мечтала объ исключительномъ положеніи, о какой-нибудь необыкновенной наградѣ, которая должна была удивить и современниковъ, и потомство. Есть извѣстіе, и очень-вѣроятное, что она желала получить чинъ полковника гвардіи и постоянное мѣсто въ засѣданіяхъ высшаго государствен-

наго совѣта. Но, каковы бы ни были ея желанія, очевидно, они не исполнились; надобно было разстаться съ мечтами и довольствоваться тѣмъ, что посылала судьба (*).

По поводу упомянутыхъ наградъ княгиня разсказываетъ одинъ довольно-забавный анекдотъ, который бросаетъ тѣнь на И. И. Бецкаго, знаменитаго своими заслугами на поприщѣ воспитанія... прибавимъ: если только этотъ анекдотъ не представляетъ дѣла въ искаженномъ видѣ.

«На четвертый день послѣ переворота, Бецкій попросилъ у Екатерины аудіенцію. Я была одна подлѣ императрицы, когда онъ вошелъ въ комнату и, къ величайшему удивленію нашему, ставъ на колѣни, умолялъ ее признаться, чьему вліянію приписываетъ она свое восшествіе на престолъ.

— Всемогущему Богу и желанію моего народа, отвѣчала императрица.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ, съ видомъ отчаянія: — я не смѣю болѣе носить этотъ знакъ отличія—и хотѣлъ снять съ себя александровскую ленту. Но государыня удержала его и спросила, чего онъ желаетъ. — Я несчастнѣйшее созданіе въ мірѣ, продолжалъ Бецкій:—если ваше величество не признаёте во мнѣ единственнаго человѣка, которому обязаны своею короною. Не я ли склонилъ гвардію? не я ли сыпалъ деньгами въ народѣ?

Мы обѣ подумали, что онъ сошелъ съ ума, и начали уже безпокоиться, какъ вдругъ императрица съ обыкновенной своей ловкостью дала этому приключенію комическій оборотъ и въ то же время удовлетворила тщеславію генерала.

(*) Нѣкоторые иностранные источники цитируютъ письмо Екатерины II (адресованное, какъ полагаютъ, на имя Понятовскаго), въ которомъ она, изображая вкратцѣ исторію переворота, не признаётъ за княгиней Дашковой никакой значительной роли въ этомъ событіи и выставляетъ ее женщиной чрезвычайно-экзальтированной и своенравной. Подлинность письма не доказана; но оно довольно-правдоподобно и можетъ до нѣкоторой степени дать понятіе объ истинныхъ чувствахъ императрицы къ бывшему ея другу. Екатерина, повидимому, досадуетъ на то, что въ Европѣ заговорили о Дашковой, какъ о женщинѣ, которой она обязана престоломъ. Въ письмѣ вся честь переворота приписана братьямъ Орловымъ. Мнѣніе это ей отчасти удалось распространить. Такъ, напримѣръ, Фридрихъ II, разговаривая однажды съ графомъ Сегюромъ, между-прочимъ, сказалъ: «Les Orloff ont tout fait; la princesse d'Aschkoff n'a été là que la mouche vaniteuse du coche. Rulhière s'est trompé». Mém. par le c. de Ségur.

— Я вполнѣ признаю ваши огромныя заслуги, сказала она торжественнымъ тономъ:—и такъ-какъ я обязана вамъ моею короною, то кому же другому могу поручить приготовленіе ея ко дню коронаціи? Возглагаю это дѣло на васъ и отдаю вамъ подъ надзоръ всѣхъ ювелировъ моего государства.

«Бецкій вскочилъ въ восторгѣ, разсыпался въ благодарностяхъ и поспѣшилъ изъ комнаты, вѣротно, сгарая нетерпѣніемъ объявить всѣмъ о наградѣ, соотвѣтственной его заслугамъ. Излишне прибавлять, что мы отъ-души смѣялись этому приключенію, которое въ одно время характеризуетъ и геніальную находчивость Екатерины, и крайнюю глупость Бецкаго.»

Предоставляемъ судить читателямъ, до какой степени было трогательно свиданіе молодыхъ супруговъ. Императрица немедленно назначила князя Дашкова командиромъ лейб-гвардейскаго кирасирскаго полка, въ которомъ она сама числилась полковникомъ. До-сихъ-поръ этотъ полкъ имѣлъ почти исключительно нѣмецкихъ офицеровъ, и потому назначеніе русскаго командира произвело пріятное впечатлѣніе на солдатъ. Своею щедростью и обходительностью князь вскорѣ пріобрѣлъ любовь подчиненныхъ и поставилъ полкъ на такую ногу, что онъ считался самымъ отборнымъ и щеголеватымъ въ цѣлой арміи.

Супруги не замедлили перебраться во дворецъ и зажили здѣсь очень-весело, хотя и не всегда спокойно. Они каждый день обѣдали съ императрицею, а ужинали въ собственныхъ комнатахъ, приглашая обыкновенно на вечеръ человѣкъ десять, или двѣнадцать своихъ знакомыхъ. Если княгиня не могла въ то время похвалиться искреннею дружбою императрицы, то, по-крайней-мѣрѣ, по словамъ ея, бывали минуты, когда государыня, оставивъ въ-сторонѣ всякій этикетъ, предавалась въ обществѣ молодыхъ супруговъ самой задушевной веселости; она нерѣдко шалила съ нимъ, какъ избалованное дитя. Напримѣръ, княгиня, существо восторженное и нервное, очень любила музыку; Екатерина же, напротивъ, была къ ней совершенно-равнодушна. Несмотря на то, она охотно слушала пѣніе княгини, а иногда, тайкомъ подавъ знакъ князю Дашкову, пресерьёзно затягивала вмѣстѣ съ нимъ дуэтъ. Такимъ-образомъ, вдвоемъ, не зная ни одной ноты, пѣвцы сочиняли ужасный концертъ, который назывался у нихъ «небесною музыкою» и оканчивался обыкновенно самыми раздирательными воплями и уморительными гримасами.

Изъ числа придворныхъ ветерановъ болѣе всѣхъ обращали на себя вниманіе Дашковой: вопервыхъ, умный, но лукавый старикъ Бестужевъ-Рюминъ, возвращенный изъ ссылки Екатериною и осыпанный ея милостями; потомъ Лестокъ, нѣкогда лейб-медикъ Елизаветы Петровны, и въ особенности фельдмаршалъ Минихъ. Рыцарски-утонченная вѣжливость и любезность фельдмаршала рѣзко отличали его отъ толпы молодыхъ придворныхъ кавалеровъ, которые были подняты вверхъ послѣднимъ поворотомъ колеса бóльшею частію съ довольно-невысокихъ ступеней общества и далеко не могли похвалиться отличнымъ образованіемъ, или изяществомъ своихъ маперъ. Княгиня часто пользовалась бесѣдою Миниха и любила слушать его разсказы о прошлыхъ временахъ.

Съ другой стороны, главными врагами Дашковой, которые отравляли ея существованіе, становясь между ею и императрицею, были братья Орловы. Въ обществѣ Григорія княгиня еще сохраняла внѣшнія приличія; но Алексѣя она не могла равнодушно видѣть. И надобно отдать ему справедливость: несмотря на свою обычную смѣлость и безцеремонность въ обращеніи, онъ останавливался передъ этою энергическою женщиной и впродолженіе цѣлыхъ 20 лѣтъ не рѣшился сказать ей ни одного слова. Кліенты Орловыхъ, разумѣется, при всякомъ удобномъ случаѣ, давали княгинѣ чувствовать все превосходство надъ нею ея соперника.

Впрочемъ, не отъ однихъ враговъ приходилось Дашковымъ терпѣть горе: и самые друзья, въ выборѣ которыхъ князь былъ довольно-неразборчивъ, причиняли имъ иногда большія непріятности. Княгиня разсказываетъ по этому поводу слѣдующій случай:

«Между примѣрами неблагодарности, глубоко огорчившими насъ, замѣчателенъ поступокъ одного молодаго офицера, именно Михаила Пушкина. Я разскажу его вполнѣ, потому-что онъ навлекъ на меня неудовольствіе императрицы.

«Отецъ этого молодаго человѣка былъ какимъ-то чиновникомъ, потерявшимъ мѣсто за дурное поведеніе; самъ онъ служилъ поручикомъ въ одномъ полку съ княземъ Дашковымъ, который часто помогалъ ему деньгами. Молодёжь любила Пушкина за его остроуміе и веселый характеръ. Князь, по товариществу, безъ дальнихъ разсужденій, допустилъ его въ число своихъ друзей. Передъ самой нашей свадьбой, по просьбѣ князя, я выручила Пушкина изъ непріятной и очень-неловкой исторіи съ г. Гейбнеромъ, пер-

вымъ французскимъ банкиромъ въ Петербургѣ: вмѣсто-того, чтобъ заплатить послѣднему долгъ, молодой человѣкъ велѣлъ его вытолкать изъ своего дома. Гейбнеръ, разумѣется, подалъ жалобу на такое грубое оскорбленіе, и французскій посланникъ, маркизъ Лопиталь, горячо его поддерживалъ. Такъ-какъ мнѣ часто случалось видѣть маркиза въ домѣ моего дяди, то я убѣдила его способствовать окончанію процеса и написать письмо къ князю Меньшикову, начальнику Пушкина, о томъ, что дѣло съ банкиромъ уладилось мирнымъ образомъ.

«Съ того времени карьера этого офицера сдѣлалась предметомъ нашихъ заботъ. Однажды, въ царствованіе Петра III, императрица разсуждала со мною о предложеніи Панина, который совѣтовалъ ей помѣстить подлѣ великаго князя въ качествѣ товарищей нѣсколько молодыхъ людей, особенно знающихъ иностранные языки и иностранную литературу. Я тотчасъ отрекомендовала ея величеству Михаила Пушкина, какъ юношу, вполнѣ удовлетворявшаго такому назначенію. Но, спустя нѣсколько недѣль, онъ попалъ въ другую, очень-скандальную исторію, и, хотя я лично не была расположена къ молодому человѣку, однакожь, по просьбѣ мужа, возбудила къ нему участіе императрицы и тѣмъ спасла его отъ бѣды.

«Незадолго до восшествія на престолъ Екатерины, я была у нея разъ вечеромъ въ Петергофѣ. Панинъ также пришелъ къ ней, и съ великимъ княземъ. Во время разговора онъ коснулся чрезвычайной застѣнчивости и даже дикости своего питомца, что̀ приписывалъ отчужденію великаго князя отъ общества сверстниковъ. При этомъ случаѣ онъ опять напоминалъ о своемъ предложеніи выбрать ему товарищей и въ числѣ другихъ назвалъ Михаила Пушкина, о которомъ просилъ его князь Дашковъ передъ своимъ отъѣздомъ. Услыхавъ имя этого офицера, императрица тотчасъ обратила вниманіе на его репутацію. «Хотя обвиненіе противъ Пушкина въ послѣднемъ его поступкѣ, можетъ-быть, и неосновательно» замѣтила она «но дѣло получило такую гласность, что уже по одному малѣйшему подозрѣнію въ участіи онъ не можетъ быть допущенъ къ моему сыну.» Соглашаясь съ мнѣніемъ Екатерины, я напомнила, однако, что мы рекомендовали его прежде непріятнаго происшествія, и просила ее подумать о томъ, что жестоко было бы единственно по одному подозрѣнію отнять у молодаго человѣка возможность съ пользою употребить свои таланты.

«Таковы были наши одолженія Пушкину, и вотъ какимъ-образомъ онъ отплатилъ за нихъ:

«Когда Екатерина была уже на престолѣ и мы жили во дворцѣ, однажды вечеромъ пришелъ къ намъ Пушкинъ и казался очень-печальнымъ. Я стала съ участіемъ его распрашивать. Онъ отвѣчалъ, что дѣла его идутъ все хуже-и-хуже и что, несмотря на мое обѣщаніе, онъ потерялъ всякую надежду получить мѣсто при великомъ князѣ. Я старалась разсѣять его черныя думы, совѣтовала не впадать въ уныніе и опять обѣщала употребить съ своей стороны всѣ усилія, чтобъ смягчить императрицу. Но что̀ жь изъ этого вышло? Едва онъ меня оставилъ, какъ встрѣтилъ Зиновьева. Съ тѣмъ же печальнымъ видомъ Пушкинъ разсказалъ ему о своемъ несчастіи, которое будто-бы сейчасъ только отъ меня узналъ, и горько жаловался на то, что его несправедливо замѣшали въ упомянутый скандалъ. Зиновьевъ вызвался отрекомендовать его Григорію Орлову, съ которымъ находился въ очень-интимныхъ отношеніяхъ. Предложеніе было охотно принято, и Пушкинъ попалъ подъ покровительство фаворита. Орловъ замѣтилъ въ немъ человѣка, способнаго перейдти совершенно на его сторону и клеветать на меня: поэтому взялся самъ доставить ему мѣсто при великомъ князѣ, желая показать, ка̀къ мало вниманія обращаетъ императрица на мое ходатайство.

«Въ тотъ же вечеръ, къ великому нашему удивленію, князь Дашковъ получилъ письмо отъ Пушкина. Молодой человѣкъ извѣщалъ о томъ, что Зиновьевъ представилъ его Орлову и что у послѣдняго происходилъ разговоръ, котораго онъ хорошо не помнитъ, но который можетъ имѣть вредныя для меня послѣдствія. Чувствуя себя виновнымъ и желая оправдаться, онъ объявлялъ, что готовъ письменно подтвердить свои объясненія на слѣдующее утро. Я презирала подобныя мелочи и совѣтовала не обращать на нихъ вниманія; но мужъ мой считалъ себя невправѣ отнять у своего пріятеля средства къ оправданію.

«На другой день я, по-обыкновенію, явилась къ императрицѣ. Разговоръ коснулся Пушкина.

— Съ какою цѣлью, спросила она: — хотѣли вы разрушить довѣріе ко мнѣ моего подданнаго и распускать слухъ, будто-бы я потеряла объ немъ доброе мнѣніе? И за что̀ бы я сдѣлала несчастнымъ этого молодаго человѣка?

«Изумленная подобнымъ обвиненіемъ и возмущенная неблагодарностью Пушкина, я съ трудомъ удержала свое негодованіе и

ограничилась только слѣдующимъ возраженіемъ: такъ-какъ ея величеству очень-хорошо было извѣстно мое стараніе помочь молодому человѣку, то я предоставляю ей самой судить о его низости, и рѣшительно не понимаю, какимъ-образомъ слово утѣшенія можетъ быть обращено въ дурную сторону. Я нетолько не старалась похитить у нея довѣрія подданнаго, но, напротивъ, убѣждала Пушкина надѣяться, что если онъ не получитъ мѣста при великомъ князѣ, то, по милости царской, найдетъ себѣ другое, на которомъ будетъ въ-состояніи съ честію употребить свои способности.

«Тѣмъ разговоръ нашъ кончился. Думаю, что мое объясненіе удовлетворило императрицу; однако, я глубоко была огорчена такимъ поспѣшнымъ и незаслуженнымъ выговоромъ.

«Послѣ-того, когда я увидѣла своего мужа, онъ мнѣ сказалъ:

— Твое мнѣніе относительно этого бездѣльника Пушкина оказалось болѣе-основательно, чѣмъ мое. Я посылалъ къ нему камердинера; но онъ отказался написать обѣщанное оправданіе, разумѣется, избѣгая опасности расписаться въ собственной лжи.

— Намъ остается одно, отвѣчала я: — забыть этого коварнаго человѣка, который никогда не былъ достоинъ твоей дружбы.

«Дальнѣйшее поведеніе Пушкина оправдало мои слова и обнаружило все неблагородство его характера. Опредѣленный по милости Орлова начальникомъ мануфактур-коллегіи, онъ сталъ подделывать банковые билеты, за что̀ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и окончилъ свою жизнь.»

Такимъ-образомъ, лишь-только цѣль заговорщиковъ была достигнута и общій интересъ, общая опасность уже не связывали ихъ въ тѣсный кружокъ, отношенія Дашковой къ Екатеринѣ все болѣе-и-болѣе теряли дружескій, интимный характеръ. Княгиня главнымъ виновникомъ охлажденія старается выставить Григорія Григорьевича Орлова. Но такое обвиненіе справедливо только отчасти: вмѣшательство третьяго лица въ этомъ случаѣ послужило скорѣе поводомъ; а причины лежали гораздо-глубже: онѣ заключались въ самомъ характерѣ двухъ бывшихъ друзей. Мы говорили о томъ, что полнаго сближенія не было и прежде; тѣмъ менѣе могло оно существовать теперь, когда не представлялось никакой нужды въ княгинѣ и когда свободно могли выступить наружу всѣ неровности обоихъ характеровъ. Натура Екатерины, гордая, тонко-разсчетливая, стремившаяся къ безусловному подчиненію всего окружающаго, не могла долго терпѣть подлѣ себя

другой женщины, столь же энергической, не менѣе-гордой и тщеславной, которая не умѣла, или не хотѣла отказаться отъ своихъ притязаній на идеальную дружбу съ императрицей и безропотно потеряться въ лучахъ ея славы.

Окончательный ударъ дружескимъ отношеніямъ былъ нанесенъ въ Москвѣ, куда дворъ отправился осенью того года, чтобъ совершить обычный обрядъ коронованія.

Екатерина Романовна ѣхала въ одной каретѣ съ императрицей; князь Дашковъ находился въ ея свитѣ. Дворъ остановился за нѣсколько верстъ отъ города, на дачѣ графа Разумовскаго (въ селѣ Петровскомъ). Княгиня горѣла нетерпѣніемъ обнять своего малютку, котораго въ прошломъ году оставила на рукахъ у свекрови. Тщетно императрица, подъ разными предлогами, удерживала ее при себѣ; наконецъ она принуждена была объявить родителямъ печальную вѣсть: ихъ маленькій Миша умеръ. Разумѣется, мать была очень поражена этимъ извѣстіемъ и нѣсколько дней провела въ слезахъ. Добрая свекровь старалась ее утѣшить и своими нѣжными попеченіями много облегчила ея скорбь.

Княгиня Дашкова отказалась участвовать въ процесіи торжественнаго въѣзда въ Москву и хотя посѣщала императрицу каждый день, но убѣгала всѣхъ общественныхъ удовольствій. Впрочемъ, семейное горе не помѣшало ей продолжать свой антагонизмъ съ партіей Орловыхъ и слѣдить за всѣми ея маневрами.

Братья Орловы были главными распорядителями церемоніала во время коронаціи. Они примѣнили къ нему нѣмецкій этикетъ, введенный Петромъ III, по которому военные чины играли главную роль на всѣхъ придворныхъ торжествахъ. Екатеринѣ Романовнѣ, на этомъ основаніи, отвели мѣсто въ соборѣ не какъ особѣ, близкой къ императрицѣ, но какъ женѣ простаго полковника; а чинъ полковника, нужно замѣтить, былъ самый низшій изъ тѣхъ, которые допускались внутрь собора. Для заднихъ зрителей устроили вдоль стѣны высокія подмостки, и каждая особа, стоявшая на нихъ, была, конечно, на виду: такимъ-образомъ, мѣсто, занимаемое княгинею Дашковой, непремѣнно бросалось въ глаза всѣмъ присутствующимъ. Если возьмемъ во вниманіе привычку толпы составлять понятіе объ общественномъ значеніи человѣка по мѣсту, которое онъ занимаетъ въ торжественныхъ церемоніяхъ, то мы поймемъ, сколько надобно было имѣть твердости духа и увѣренности въ своихъ внутреннихъ достоинствахъ, чтобъ пренебречь подобными мелочами. Друзья княгини совѣтовали ей совсѣмъ не

являться въ соборѣ; но гордая женщина хотѣла показать, что она стоитъ выше общественныхъ предразсудковъ. 22 сентября она проводила императрицу въ успенскій храмъ, потомъ заняла скромное мѣсто на подмосткахъ и храбро выдерживала двусмысленные взгляды своихъ враговъ. Чего, однако, стоили ей минуты, проведенныя въ соборѣ, и какая борьба происходила въ гордой душѣ, видно изъ того значенія, которое сама княгиня придаетъ такому маловажному обстоятельству: она смотритъ на свое поведеніе въ этомъ случаѣ, какъ на поступокъ по-истинѣ геройскій.

Въ длинномъ спискѣ лицъ, удостоенныхъ повышенія по случаю коронаціи, имена Дашковыхъ заняли непослѣднее мѣсто: князь былъ пожалованъ камергеромъ — что̀ давало ему право состоять въ чинѣ бригадира—и оставленъ командиромъ кирасирскаго полка; а княгиня получила достоинство статс-дамы ея величества.

Зимою 1762—63 г., между-тѣмъ, какъ одни увеселенія смѣнялись другими и Москва представляла безпрерывный рядъ праздниковъ, Екатерина Романовна заключилась въ тѣсномъ семейномъ кругу и почти перестала являться при дворѣ. Причиною такого скромнаго образа жизни она выставляетъ смерть свояченицы и собственную беременность; но, очевидно, княгиня умалчиваетъ о главномъ: о перемѣнѣ отношеній къ императрицѣ.

Въ то время въ Москвѣ разыгралась маленькая драма. Орловъ не хотѣлъ удовольствоваться ролью фаворита: онъ простеръ свои честолюбивые виды гораздо-далѣе, и, какъ говорятъ, несовсѣмъ безосновательно. Старый интриганъ Бестужевъ взялся помогать ему и составилъ адресъ на имя императрицы, въ которомъ умолялъ ее довершить свои благодѣянія русскому народу—избраніемъ себѣ достойнаго супруга между подданными. Онъ уже собралъ подписи многихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ и намѣренъ былъ поднести адресъ отъ лица всего государства. Но противъ такого дѣла горячо возстала партія людей, непріязненнхъ Орлову, представителями которой были: канцлеръ Воронцовъ, графъ Панинъ и гетманъ Разумовскій. Воронцовъ отправился во дворецъ и попросилъ аудіенцію. Онъ съ жаромъ предупреждалъ императрицу объ опасности, угрожавшей ей, еслибъ планъ Орлова и Бестужева былъ приведенъ въ исполненіе, и предсказывалъ сильное неудовольствіе народа, именемъ котораго хотѣли дѣйствовать честолюбцы. Екатерина благосклонно приняла доводы Воронцова, и слухи объ адресѣ замолкли.

Дѣло это, однако, не осталось безъ послѣдствій. Между жителями

Москвы произошло явное волненіе, а въ гвардіи составилась партія офицеровъ, съ негодованіемъ смотрѣвшихъ на чрезвычайно-быстрое возвышеніе Орловыхъ и на ихъ честолюбивые замыслы. Душою недовольныхъ былъ нѣкто Хитровъ, одинъ изъ самыхъ безкорыстныхъ участниковъ въ переворотѣ 1762 года. Онъ готовилъ энергическій протестъ въ отвѣтъ на адресъ Бестужева и успѣлъ скрѣпить его подписью многихъ именъ. Хитрова арестовали. На допросѣ онъ откровенно объявилъ свои побужденія. Его, между-прочимъ, спросили, была ли съ нимъ въ заговорѣ княгиня Дашкова. Хитровъ отвѣчалъ, что дѣйствительно онъ три раза являлся къ ней въ домъ съ намѣреніемъ попросить совѣта; но княгиня никого не принимала.

По извѣстной непріязни къ Орловымъ, Екатерина Романовна, конечно, не оставалась равнодушною къ проекту Бестужева; однако, нѣтъ никакихъ явныхъ доказательствъ того, чтобъ она принимала непосредственное участіе въ дѣлѣ Хитрова (*). За-то въ разговорахъ съ посторонними людьми княгиня давала слишкомъ-много воли своему языку, и смѣлыя рѣчи ея, разумѣется, дошли до слуха императрицы.

Былъ май мѣсяцъ. Екатерина Романовна, недавно разрѣшившаяся отъ бремени, лежала въ постели. Въ той же комнатѣ лежалъ и мужъ ея, занемогшій своею обыкновенною болѣзнію—воспаленіемъ въ горлѣ. Оба брата Панины сидѣли у Дашковыхъ. Вдругъ докладываютъ князю, что пришелъ Тепловъ, секретарь императрицы, и проситъ его выйдти на улицу, имѣя что-то ему сообщить. Князь потихоньку одѣлся, сошелъ внизъ и принялъ отъ Теплова записку императрицы слѣдущаго содержанія:

«Я искренно желала бы не предавать забвенію услугъ княгини Дашковой, и мнѣ очень-прискорбно ея неосторожное поведеніе. Напомните ей объ этомъ, князь, такъ-какъ она позволяетъ себѣ нескромную свободу языка, доходящую до угрозъ.»

Мужъ и братья Панины хотѣли сначала скрыть эту непріят-

(*) Несмотря на то, императрица, какъ разсказываютъ, сильно ее подозрѣвала и, желая получить признаніе, будто-бы написала ей ласковое письмо, въ которомъ убѣждала открыть все, что̀ она знала о новомъ заговорѣ. «Ваше величество» былъ отвѣтъ княгини: «я ничего не слыхала; да еслибъ и слышала что-нибудь, то, конечно, не сказала бы. Что̀ вамъ угодно отъ меня? Чтобъ я умерла на эшафотѣ? Я готова.» Депеша Беранже отъ 15 іюня 1763 г. Но Дашкова въ своихъ «Запискахъ» не говоритъ ни слова о подобномъ вопросѣ, или отвѣтѣ.

ность отъ княгини; но, замѣтивъ ихъ безпокойство и таинственныя совѣщанія, Екатерина Романовна убѣдила открыть ей содержаніе письма. Чрезвычайно-взволнованная имъ, она, однако, удержалась отъ всякой рѣзкой выходки и только поручила графу Панину спросить императрицу, когда ей угодно будетъ назначить крещеніе ребенка, которому обѣщала быть крестной матерью. Въ ту же ночь княгиня была внезапно разбужена отъ своего лихорадочнаго сна крикомъ и буйными пѣснями пьяной толпы, которая проходила подъ ея окнами. (Домъ Орловыхъ находился по сосѣдству.) Испуганная этимъ шумомъ, она тотчасъ почувствовала параличъ въ лѣвой рукѣ и ногѣ. Сидѣлка ея немедленно побѣжала за полковымъ хирургомъ, который жилъ въ томъ же домѣ. Хирургъ, взглянувъ на княгиню, счелъ ея положеніе дотого опаснымъ, что потребовалъ на помощь доктора и князя Дашкова. Къ утру больной сдѣлалось еще хуже. Она велѣла принести дѣтей, призвала князя и умоляла его болѣе всего заботиться объ ихъ воспитаніи. Потомъ она обняла мужа и простилась съ нимъ навсегда. «Взоръ, выраженіе лица, съ которымъ онъ принялъ мой слабый поцалуй, до-сихъ-поръ живутъ у меня въ сердцѣ» говоритъ княгиня въ своихъ воспоминаніяхъ «и эта предсмертная минута была для меня почти счастіемъ. Но Богу было угодно отвести ударъ, ожидаемый мною съ тихою покорностію, и продолжить мою жизнь, которая послѣ смерти милаго мужа потеряла для меня всю свою цѣну.»

Императрица исполнила свое обѣщаніе, несмотря на перемѣну отношеній. Вмѣстѣ съ великимъ княземъ, она была воспріемницею новорожденнаго сына, но ни прежде, ни послѣ священнаго обряда не спросила о здоровьи его матери. Мало-того: есть извѣстіе (Дидро), что только болѣзненное состояніе княгини спасло ее отъ ареста.

Вскорѣ затѣмъ дворъ воротился въ Петербургъ. Князь Дашковъ уѣхалъ къ своему полку; а Екатерина Романовна оставалась въ Москвѣ и понемногу оправлялась отъ болѣзни, принимая холодныя ванны. Пріятельница княгини, Каменская, съ своими сестрами, раздѣляла ея уединеніе. Такъ прошло время почти до конца 1763 года. Въ декабрѣ молодая Дашкова, чувствуя себя совершенно-здоровою, отправилась къ мужу. На этотъ разъ они поселились уже не во дворцѣ, а въ наемномъ домѣ.

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.